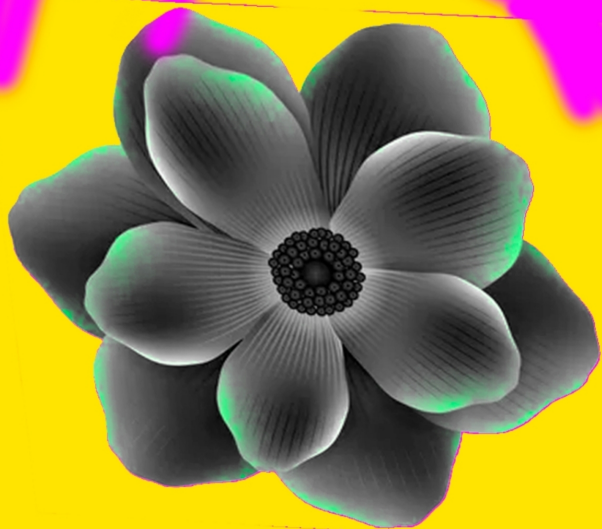


# Стукалов Евгений



## Безразличие

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Евгений Константинович Стукалов

## Безразличие

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68028629](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68028629)*

*SelfPub; 2022*

### Аннотация

Первая поп-авангардная опись человеческой жизни и прочей несостоятельности словесной выделки. Чуть сложнее понимать, каков истинный замысел быть равнодушным к адекватной творческой единице. После прочтения данной описи необходимо задуматься над тремя вопросами. Вай, гуд ли? И вообще можно не думать. Зачем думать над литературой? Это бесполезно. Вот над крученовцами – ладно. Это полезно и важно. Но зачем так. Короче. Читайте и наслаждайте. Себя и свои умы. А так текст о самом прекрасном, что есть на земле. Жизни и шоке.

Содержит нецензурную брань.

# Евгений Стукалов

## Безразличие

Однажды проснется ребенок тучный (1 призыв)

Категорически вся натура земли отказывалась меня оку-  
тывать.

Категорически весь он не был мною любезен

Не был

И

Не был

А во что был.

Отъезд на паперть к родственникам (2 призыв)

С чего началась пятница?

Утопический день лета, а то и начала весны. Честное мое  
ухошко совершенно потеряло часы для измерения той или  
иной теплоты и теплильности. Дела как шли холодом, так и  
идут, но только большим холодом.

Какой кошмар!

Я пытался проснуться: сегодня раньше для своей девоч-  
ки-дамочки. Где же она сегодня? Четверг 17-ыйный. Ага. Бу-  
дет в кафе Гуддинуди. А чегося ей там понадобится? Водич-  
ка и сушенный знаньик. Господь наш всетарифный, скажи  
ты, зачем этой, благой для нашего мира, Прекрасной девоч-

ке такой большой кузов знаний?

*– За желтой чертой мобильности  
За зеленым стуртуком бездравия  
Она обильно ждет своего мечтания*

Кого ждет? Меч...тателя? И кто это ее вниманием мече-  
ный? Этот короткий и желтый? Или этот волосатый и вод-  
ный?

*Гляди, как небо у губ чихает,  
В тебя оголяя соки дождя,  
И суфлирует кличку ее ума вождя*

ЧТОООООООО! ЭТОТ ПИДО...ЭТОТ ГРАФИЧЕ-  
СКИЙ СКЕПСИС? ЭТОТ ПСЕВДООСЕЛ? ЭТОТ ДЕТ-  
СКИЙ ПРИНЦЕССОКУР? ГОСПОДИ! ВЫ ЕБА....

*Сугубо зеленый доспех вышит  
На каролиця ее свободы приспиченной  
Серно-красной как любовь к сердцу привинченная*

А он. То есть она. Эта Моня. Эта, она же, ну как бы мягче.  
Все ей болеют? Это же болезнь?

*Пока дети на каторгах тупят*

*Своих травм ребенные мелки*

*Моня поливает молоком капитальным их*

Это вроде неизбежного? Она станет пешечкой, как и все?  
Или она была пешечкой, но я видел ее дамкой? А, Господь?

*Не шелуди цепями своими верными*

*Не говори себе правды на вену*

*Поколотись смертью и знай – все ходят вперед с рожденья*

Но она же! В ней же есть эта инакоходость.

Инакомыслие

Инакорослость?

Вы же, Господь, знаете, как ее лечить? Как ей жизнь дать  
лучшую? Веселую, пекло-пепельную, забавную?

*Что лучше ее уху – у твоего может жар поыхить*

*У каждого своего вкуса на смерть –*

*Для нее есть мечта, которая в благо твое не может  
влезть*

Я не могу изменить ничего! А может просто помочь, там  
вместиться в ее мир, удержаться там за ее книголюбость и  
другую координацию цифр? Там за музыку или фильмы?  
Господь?

*Улетая на век беспричино далекий  
Пес всегда неприлично любящий  
Хозяина будет ждать своей душой-смяткой*

*И пока его лапа пылью сиротской  
Покроется словно мысль здравая в будущий мох  
Хозяин другой собачке кидает глобус в забор*

О чем вы? Могу ли я расширить, поменять ей это счастье?  
Могу ли я хоть чем-то ей помочь? Господь!!!Господь!!ГОС-  
ПОДЬ!!!!

*У солнца есть власть – это жизнь наша  
У жизни есть власть – давать повод верить  
У веры есть власть – давить вишню любви  
У любви есть властище – развязать три войны  
На четырех колизях бесных  
Мотримор, Артинур, Шелорур, Алогасус*

*А у тебя Ангелок только есть она  
, есть атомы этой акации  
Этой сакуры  
Она зажала тебя в силки  
И теперь не отпускает  
Иди к ней на шахматный ринг*

*Притворись ее слоном*

*И доведи до заводов дамочьих солом*

Господь? Нет. Ужаснее тебя нет на свете. Таких пехотинцев даже в книгах у самых отбитых не встретишь. Бес, да еще какой. Архибес. Бес всего сущего плохого и...

**Любви**

**Похотливой**

**Честной**

**Геноцидной**

**И самой что ни есть сильной из всех других**

**Я ее больше всех гордую**

**Все другие бесы не просто завидуют и плачат,**

**А от зависти святизной покрываются**

**Гениальное я придумал**

**Однако эту куртизанку**

**Эту простодивчину Моню**

**Эту плешивую суку**

**Ее больший бес придумал**

**Действовал на корысти и мечтоделе**

**Он работал с Сомноцким, его мечта**

**Ой как хорошо он попал**

**Для людей и вас, ангелочков, и нас, бесов.**

**И моя любовь от Мони, этого синтеза мечты и ко-  
рысти,**

**Просто тает на уму, на рассудке**

**Ладно**

**Я чет затер**

**Слышь, ангелок. Ты если запутаешься иди ко мне:  
Я тебе объясню как любовь работает и что вообще.**

**Тебяйства ради я всех клиентов распущу.**

**Заходи,**

**Адрес:**

**Берега Прочего.**

**А я пойду**

**Еще зубки нужно почистить**

**Зубки**

Уродящая тварь. Зайти к бесу. А ведь правда. Он же кроме искренней боли и зла создал любовь. Или нет? Любовь же создал... А кто создал любовь? Господ сейчас где-то летает. Строит чью-то жизнь, кому – то дарит радость, горе. Или нет? Ведь мне он дал лишь небо, место и разум. Знания, мир. Он не давал благ, лишь место для наблюдения.

Утопический день лета, а то и конца зимы все-таки. Видимо мне нужен совет. Схожу к фонтану, омоюсь и потом в библиотеку. Там есть ответы на жизнь и на смерть, там есть ответы на все. А если нет, пойду к тому. Или к Господу.

Чем закончилась пятница?



Вот клюквенное солнышко начало прорезать венную синь, на которой то ли бороды смертных богов, то ли целые города ангелов. Вот это облачко – Ивася, вот это – Бодунов, а вот – Петробугр. И все это – Рай, а под ним мы. Пока мы не в раю, но скоро.

Вот земля начала смарщиваться в покрывало из сильного марша сухого стекла. Вот дом кариеволосый ищет себе монастырь для пятной спячки. Вот дети уже спят, посасывая палец для похорон своей абсолютной детскости. Понимают, что скоро станут взрослее. Вот старушка лежит скудно и намоливается на спокойствие. Вот летают ангелы над головами детей. Вот же.

И чего не так? А это кто? А вот **он**. Идет, скукожившись курагой, через шахты людей и их вечных пещер, из вечных кирок и фонарей. Идет весь ледовый и пустой. Пойти напиться не может – нет 18 лет, пойти убиться не может – мама и папа будут ругать; да и не нужно ему это. Сердечку ему нужно тепло: угли, сигаретка, одеялко. А душе нужно опохмелиться немного от чувства, немного поспать, иногда сблевать, иногда стошнить. Но это потом. Сейчас **он** вот – идет и идет.

А вот ножка Луны оголяется из мрака. Простодушная она девчонка. Любит дразнить юных мыслителей своей оголенностью. Своей музостью. Как жаль или хорошо, что **он** пережил **это**, перерос. И уже игрался с ней, наигрался собой. И солнцем наигрался. И жизнью. И смертью. Но это по-

том, прошлое. А есть вот – **он** идет, и идет далеко далеко. Но это потом, сейчас **он** идет коротко и присыпчато. К одеялу и сигарете. Курить **он** не может пока что. Простите. К углу и одеялу. Согреться.

А вот стон прогрызся через салфетки и стеклышко. Такой он наточенный, такой он зубастенький. Жаль, что мне это слышится. Надеюсь потом сам буду стеклом, Луной, домом, человеком, но не мыслей. Буду реализован. Но это потом. А сейчас вот – просто светлеет, а я темнею бодростью с этим. Просто сплю на зарю, на век, на миг. На гроб.

Они кланялись, хотя «зачем?»

Ясность сегодняшнего дня не даст соврать человечеству. Она их выкупает из рапирных лап разочарований и похоти. Как страшна похоть у губ здорового вида, вида человечьего. Золотистое солнышко проскальзывает по рельсам облаков прямо в наш мир, в наш односторонний мир, где все цветет лилиями и ландышами.

Давно не чесаемый ветерок пролетает озера, деревья, всякую каменность и томуподобность. Главное – заглядывает к людям, к этим загадочным жнецам сути и всего сущего. Открыв блокнот посещений, мой наивный дух узревает: был у Александры Мороковой, ага, был у Клубнички Мудотной, ага, а вот был у Мари Марсткой. И еще у Булыкина и Шерляпова. Какой он у нас скоролет, этот ветер!

И ветерок летит и летит кленовым листом по головам, умам и чувствам, а они не колышутся. Кроме одной, только она чует легкий скрип. Чуете его? Он такой промозглый и просердечный. Как приятно слышать его данной особе. Взглянем под наш микроглаз на нее и составим этюд такого интересного фрукта.

В кровати совершенно близкой к тележке снов и сладкостей поживает *некое тельце*, самое найловкое, самое найстойчивое, самое найстранное. Поживает и жует ватку (а может леденец) сновидения. Медленно тающее на отточеном языке. Ей пока хорошо, потом она удивится (через час), что ее ювелирный сон был расколот этой механической взбудорагой. А пока перенесемся на тех, кто уже проснулся и с удовольствием ждет наследия, наследия внимание. Или хотя бы очереди на прослушку его кандидатуры на занятие муниципальных дум.

На текстильных ножках стоит **определенное тело**. Стоит и смотрит в телефон. Видит: «кто-то умер» – ясно, «кого-то обокрали» – ясно, «кого-то изнасиловали» – тождественно краже, ясно и так далее. А потом вдруг заходит в метрополитен сообщений и общений и глазееет: спит еще, вчера было ей трудно и опять упорно – работает для своего счастья и своей мечты. Славно, но что дальше он делает лучше описать далее, далее через час, так как этот час до нынешней нашей точки, мною желаемой быть описанной, прошел в никуда или просто прошел незаметно. Он начал

читать некоторое произведение некоторого автора. Скорее опять пошлую и шизофреническую, но читать! Значит ему это необходимо, или просто так – для удушья времени.

Как он надругался над временем, так я надругаюсь над ним. Перейдем на кого-либо еще. Можно .....Мама! Его Мама спит, полеживает в кроватке и небось снится ей счастье ееиного сыночка. И думает она, что душой он приятен и хорош, и здоров. Как приятно ей спится. Снятся ей любовь да мир, эти вина материнской любовочки – мир да любовь. А рядом с ней (даже под ней) под покрывалом улеглась милая собачонка, такая милодобрая и милопреданная. И всех любит, всех всех целует и одаривает шапки жизни своим искренним и нужным, почти как скрип ветра, лайком. И скоро они проснутся, как и все: как и она, как и Ангелы, как и Господь, как и аттракционы небес. И чувства и вообще все.

Час, даже меньше. Ждать. Остается только ждать своим телом и делом. А умом думать, думать над тем зачем и почему. Например, почему сугробы уходят летом и весной? Или зачем крутится карусель? Или за чем? Глупо, но с этого нужно начать. Начать с простого.

Слезки немного кремерные, даже граммовые

– Блять. Куда пропал час? Куда я опять просрал это время? Ладно, слышу: Мама уже проснулась и бродит по квартире. Пойду тогда поессу и умоюсь водой и обедом. – выронив язык изо рта – уши сегодня у него чутче обычных сов

– *определенное тело* упорно говорило себе под бородочек, или точнее недобородочек. И решает своей волей заглянуть в телефон, вдруг проснулась.

Если мы летописно живем, то почему не удостоить себя стакану крепкого алкоголя? Вот и я о том! Так, что довольно *некое тело* решает замотаться в свои грезы и пухлые от отдыха вены и поспать еще час – два. Вернёмся к нашему **определенному**.

А что он?

«Может позвать погулять сегодня? Вроде выходной. О, мне нужно ей рассказать кое-что. Сейчас напишу тогда.» – одним кадром шло у него в голове

«А вдруг у нее дела? Там же подготовка ко всякой экзаменщине. Ну я спрошу, а так посмотрим» – вторым кадром.

«Но мне плохо. Ой как заболело в сердце от огня любви, от этой ебуче сильной зависимости. Напишу жизненнонеобходимо увидеться» – третьим кадром

«А если я случайно наврежу ей и вообще не нужно ей это? Добавлю, что если сильно потревожит время и скакущее желание, то не надо» – четвертым.

И еще примерные семь минут надумий (в ближайшие 10 мин, так-то он долго корил себя за такие долгие мысли и предложения). Он успокоен менее-более. Теперь идет заниматься обычным для себя пока что делом – визуализировать деяние с друзьями. Можно от него отстать. Перейдем к дру-

гому. ....

Мама! Мама сейчас его думает о блюде на следующее прошлое и прошлое будущее. Заходит к сынку, спрашивает, получает «все равно, что тебе легче», уходит и думает. Котлеты куринные. Хороший выбор. Отличный.

Собачонка милая и крепостьюпреданная бегают у ног и просит кушать. Клянчит. И все?

Давайте к отцу! Он просто далековато, но пока ничего у них не происходит, и их тельца в некотором бездействии, покое, слетаем к нему.

Сейчас у него ночь! И он все равно работает. Сложно и усыпляюще, но работает. Для них: **определенного**, Мамы и собачонки. Жаленько ему. Одиноко. Над ним и ангелы спят, все спят сейчас, но не он. Он думает и грезит о семье. Как это растаятельно. Весь щас растекусь слезами и другой соленостию! Но приедет скоро. И будет снова радость и веселье. Будет.

Ладно, пока у нас перерыв. Мои спят, а значит действия будут через час – два. А пока ждем. И вытираем слезы. Нельзя плакать, а то болеть пробудится от горечи этих пухленьких парашутистов. Парашутистов-смертникам. А смертникам: любой пожар – телогрейка. Нельзя и пока что жду. Ждем.

Из земли разрываются развалы людей, бутылочный оркестр

Темнистоооооой россой проливается утро. Даже страаааааанно, что слишком рано проснулся.

Рано?

На два часа позже обычного!

Ужас

Какой кошмар!

Это же...

Греховитость и морочная склерка? Нарушение петлиц рая и небесья?

ЧТО? Этот бархат ужасности голоса. Эта отчетливость рассудка и его бездонности. Эта петличность слов и склада речи и поступков. Эти моментальные моменты. Сарвиил! Глупая пташка не Господа, а...

Безручница и каторжница Мони, именно. Я давно перестал верить старому захудалому дубняку, но мне просто иногда непонятно, а моему духу и вещи и подавно ...

Веще? Ты ее еще не потерял от своих предумышлений и идеологий? У тебя ее обязаны были конфисковать ввиду отречения от Господа.

Глупый Евгурий. Ты читал наш Завет? Что твой всевышний писал? Цитирую:

*Пламенем яренных лир и метров*

*Вера ваша: и человечья и ангелова- небесья*

*Люба: на вкус и цвет выбирайте, что по душе лестней*

Фуууууу. Как гадко. Как ты его можешь слушать. Так что? Ты проспал и что теперь будешь делать день целостно? Опять омоешься, считаешь, понаблюдаешь за людьми, а потом сон? О. Забыл. Посоветуешься с Господом о всяком бреде. Я прав?

Иерусалимская мочь. Да. Я так и сделаю. А ты? Опять ничего? О, да. Ради Монечки разденешь кого-либо или помечтаешь. Все вы такие.

Ирод. Я тружусь на благо мира сего. На благо твоего Господика бесхребетного и немодного. И непонятного. Только в Завете все «до» и «ге» нормальные, там и про нужное, а не про ходьбу, счастье и тп. И не правильно он крикает. Все у всех разное и вообще это лишь абстракция. Не более. А вещь мое получше твоего, ведь оно хоть не растилается облаком, а твердое и устоявшееся. О. Десятый чирк солнца – я пойду. Давай удачи. Передавай привет Господу.

Монянская моча. Вымораживает чирками. Хотя правду вычеркал на стекле. У меня вещь хоть и для Господа, для



святого, но мыльное. Пойду омоюсь. У меня еще столько дел. Она через пол чирка проснется, и будет дело коего нет **ни у кого.**

### *Выход цветов (гвоздик) на бис*

Вспоминая очертания чего-либо жизнепритяженного, картинга мыслей и идей в принципе начинает приплясывать под эти поршни и гудки звоночков школярных. Бзыньк и тп. К чему такие звуковые дыры и поддырки не знает даже животное, знающее все. К чему вообще знать? Вот есть Макар Чудра, он знает что-то от того, что был в кое чем в кое какое настоящее. (Возможно там был и я, у кого-то в мысли). Знает он же откуда – то любовь, преданность, страсть, прикосновения знания и различные способы прихода к нему, к его касанию. И говорит – не думай о этом и будет тебе счастье. Иногда я, пролетая неведомые объемы пространств, удивляюсь, сколько всего странного на Земле. Вот летит птица: летит и летит, есть хочет – поймает любезного червячка. Вот идет человек, вроде человек. Но кажется – Человечище. Какая власть ему дана, он хозяин всего, но не того что сам создал. Он не может осилить водку, или другие антигуманные окиси и водкиси. Он не может осилить свой рассудок. Да и все равно, он не может осилить чувство. Он пытается его изучить научно. Пытается его закономерить. Вот мой братец вечерний, говорит так же, в этом мы сходны. Однако само опи-

сание любви разное. В этом и сложность – чувство у всех разное. И как далее? Все равно пока что. *Некое тельце* очнулось. Примерно вылилась на мягенькой и сладенькой лодочке ото гавани сна.

Вырылась из одеял, слезла с оберега сна и спокойствия и как потянулась собой. В небо, на прошлые и будущие звезды, на солнце, на эту морскую гладь. На ангелов, на святые города, на Господа. Какой блаженный миг! Как потянулась собой! Решила она посмотреть на часики и убедиться в своем сне – правда, спала еще 2 часа. Какая точность расчета! Какая умность!

– Комната комнатой, а умыться необходимо. – словно хором ангелочков пронесся гимн жизни и жизнеписи.

Мимо шкафов, гардеробов и прочей деревянности, пестро выточен этой лучистостью и игрой маленьких рабов портрет. Маленький своей размерностью, но большой для некоторых сердец. Такая скромная, холодная и потерянная натура изображена на нем. Славно, что лишь часть вееров раскрыта. Остальная далее по нужде. Или грамотнее – по ветру.

Доходит *некое тельце* до ванной. Просматривает себя в зеркальце. Так красива сегодня, да и всегда. Вроде дни – менятельные, а ее внешний облик, этот благомточающий цветок – постоянен. Умывает чуть небесное и набитое жизнью личико. Касания рабочей ее руки-, руки сильного тела, но все равно у нее тельце – отточены ядерными лучами Солнца. А их траектория выбрамлена слезами Луны. Когда все это про-

исходит – маленькие ангесобы плачут. От этого они святеют и от них остаются часто ангелы. Взрослые и честные перед святым.

После сглаживания облачка ума, ее интерес пал на зубную щетку. Естетсвенно. Как можно грызть алмаз науки грязными и дурнопахнущими зубками? Краеугольным движением ручечки она водит зубощетку туда-сюда, как качелю. Только не с людьми, а с некой колгеитной белостью. Пять минут и готово. Зубки чистые, личико подровнено от увечий. Что осталось? Питаться.

Приходит она, такая некая, такая здесь нужная, на кухню и лезет вниманием в холодильник. Растекшись вкусовой соленостью, ее вечный интерес кольнул тортик. Да не обычный, а подружий.

– Возьму его че ли. – уверенно пропевает она. И вкусно ей. Ей ее подруга готовила от своих рук и души. Как не быть вкусно, когда сахар, крем, вишневый джем, шоколад и душа? Вот и я, о чем. Ест так неприметно, так мало, но велико, сильно и по-своему гениально. В ниточный период этого, она просматривает нынешне случившееся в странах.

«Кого-то убили» – страшное дело, небось грустно близким. Смерть важного – всегда иголки боли оставляет. «Кого-то ограбили» – опять это корыстие, опять это тупое желание иметь все. «Кого-то изнасиловали» – ну как не страшно жить в таком мире. Тупое животное – вот как можно быть таким душным, чтобы тебя не любили и не давали внимания

женщины. – мотает себе на прежелтый медовый волос мысли. Мотает и мотает. Как свято.

Тишина

Тишина

И тут

Слабый стон телефона

И

Сообщение.

–Доброжелательное утро. Как твое состояние здоровья? Как вообще лечится? – написал определенный. – Ма.

Как ее состояние сгорбило это «Ма». Она привыкла Мари Великая, Марии, или Мари Солнечная. Но это «Ма» – оскорбление ее святости, ее замка.

От такого лишь: «Более-менее, хотя, наверное, лучше стало»

Определенное тело от непонятия и непринятия себя выталкивает из своего ума – Отлично

И

И все.

Да, он правда более не написал, и она. Они оба. Она от внутреннего окончания диаложка, он – от трусости сказать свою открытку. Он вообще всегда был и будет ...ой.Потом.Потом сами поймете. Я же не могу расширять себя. Только творцы и шизофреники меня так тянут на будущее. Бедная Мысль. Хотя моего сотоварища вечернего чаще. Все равно жаль. Жаль сегодняшний день. Сейчас более всего.

Ну ничего они больше не сделают. Она лишь посмотрит кинцо, почитает беллетристику, поучит экзаменщину и спать. А. Еще подружкообщение пообнимает, как игрушку. Не более. Ничего серьезного.

А он? Ну он так же. Пойдет поиграет, поразговаривает со знакомыми и близкими, на ночь почитает и спать.

Поэтому я предлагаю рассказать их доисторию. Чтобы ясно было. Выпущу так сказать цветы прошлого на бис. Выдернем гвозди из деревяшек летописцев.

Читаешь что?

«сего могло не взорваться  
от отсутствия вопроса  
читаешь что?»

Какая-то поэма от соавтора.

Год назад. Сколько слез было выронено из корзинок глаз ввиду порванных коленей. Сколько поцелуев на бетоне оставляли эти раночки. Знал ли наш **определенный**, что скоро плакать будет от сердечных пороков? Нет, конечно. Тогда он сходил с ума от Лавкрафта. От его временных остановок и парадоксов, от его Ктулхах и Азатотях. От его прошлых и ведьм. Красиво ему было тогда. Не читал тогда о любви. До вопроса – читаешь что?

Обычный как хлеб беленный день, он – **неопределен-**

**ный**, в рубашке и с книгой наперевес. Она – не знает «никто», *откое*, в блузке, в черных штанах (то ли брюки, то ли спортивки), покрашенная неопределенно, но красиво, деконструктивно, читает что-то про шизоидов и их патологические зависимости от плоти.

Все бы ничего, ничего не было бы коль ни эта книга, этот кирпич бумаги. Такой оказывается крепкий в нынешнем нашем теле. Почти вся несущая стена. Книга Говарда Лавкрафта. Сборник его произведений. Там и Зов Ктулху, и про ключи, и про прошлое и нынешнее. И этот жемчуг жизни растворяется в пену дней и в глаз нашему тельцу. Щипит.

– Читаешь что? – и улыбка крошится из ныне *некоего тельца*.

– Лавкрафт- чуть картавя скрипит **тело**.

И все.

Могло быть все.

Он всегда был одиночным по идеям и вкусам. И нужен был ему товарищ. Он в ней увидел товарища. Не знал он ничего об этой любви. Без волнений спросил о ее вкусах в литературе и полилось. Честно я бы рассказал все – но тело, в чьей голове я, потом меня задушит, насмерть. Для культуры **смерть мысли дневной – смерть всего**.

Болтает он, болтает с ней по социалистическим бортам «Интернета» и бац. Даже не бац, а кряк. Более фатально и вечно. Влюбляется.

Знал ли он это? Нет. Но потом узнал у Байрона, Шекспира

и так до Лимонова. Там он вычитал про любовь. Про ее палачевскую силу, и кулак растящий боль, и страдание. Потом приглашал на встречи. Боялся. Он писал стихи про нее. Там сносно еще. Сейчас он пишет не так. Страшнее и фашистски.

И в один день он напивается силой ее слов и признается в любви. Она на это ему странно отвечает и кажется вот конец их общей поезде по Сан-Франциско. Но нет. Господина забыли закопать.

Вскоре и она пишет стишок про него. Про его слабую любовь и робкость. А он про то, что скоро все будет хорошо и они снова будут вместе. Круто. Круто завернул ангелам шею, и она его приглашает поговорить в свободные дни, обсудить жизнь. Говорят, и снова вместе.

Далее по мелочам – он пишет ей поэму. Она позволяет ему себя обволочь плутами рук. Он в невероятном приливе страсти задумывается писать что-то. После одного четверга. После посещений домов. После стольких слов ему непонятен механизм работы их корабля. На чем он движется ясно, а как? Он определенно хочет любви, внимания, хочет все понять, поговорить с ней. И вскоре собирается отдать это, но боится. И слава Господу, что боялся. Потом уже не слава.

Она – неопределенно учит экзаменщину. И, все. Более и не нужно ей. Ничего. Или нужно? Ой. Короче. Тогда не знали. Скоро все узнается.

А что такого? Вроде обычная любовь.

Он – ленивый писака, скромный, в меру добрый, даже пы-

тается заботится о близких. Умеет мыслить, смеется. Живет. Хочет быть любимым.

Она – трудяга, скромная, робкая, добрейшая, заботится о близких. Пытается мыслить, улыбается. Хочет красиво жить и под мечтой чтобы.

Весело. Весело же? Их общая туфля времени такая. До нынешнего, конечно. Чтобы интереснее было и загадочнее. Потом еще веселее. Или нет? Я не скажу. Скажу, что – это «читаешь что» важно, и что все будет страннее и важнее. Важнее и страннее всего.

Пальмовое масло жевательной слюной рахтитя

Вот и моя очередь болтать о происходящем. Со своей стороны. Со своей глазной каракатицы. Солнце спускается по перилам озорной девчонки к другим буграм горы космической. И вот ступает на пол звездарный своей серебряной ножкой Луна. Какая великая ее поступь. Возбуждаясь темнотой, ее обесточенное тело засияевается, и в глаза проходящим мимо привлекается.

Вот ребенок, упившийся грудного молока, приляг к колыску сновидений. Вот он как маслице разлегся на хлебной корочке рядом с мамочкой. Вот она смотрит на своего ребеночка и ее смочки начинают пелениться и мочиться в низ. Капает на одеялко, холодное и водное. Чтобы ребеночек не чуял касательно слезенок материнских. Сердобольная она вот. Вот не знает она, да и сам ребенок, что душа детской-



ная может отлично чувствовать. Как она чувствует ангелов и бесов! Вот взбудораживается сердечко у дитины – рядом бес. Спокойствие в глаза и ротик плескается – ангелочек. Наверное, такой же, маленький и недавно поставленный ангелочек.

А вот бородка Господа спадает в нашем Керченграде, мокро дышать и ходить. Туманца всегда так. И красиво по-своему. Так сказать, бородка гениальна. И бродит Он, среди вод Господых. Ходит сам как вода. Сам мокрый и весь растаенный. Плакал? Скорее всего нет. Будь Он в плаче – не выходил бы в мокрое. Смысл? Будь Он в плаче – пошел бы в песочность. Дома остался и пил водку. Но не пил бы. Боится, что мамы Зуб начнет скалиться и резаться о его совесть. А так Он пил бы, не будь совести. Напился от плача и накупился от горя. А так Он пошел по улице. Показать миру? Или так, для выветривания? Вот сейчас, что происходило до этого. Сейчас туманца. А раньше? Вот Он писал, скарябал. А сейчас? Исписался?

Вот тучка в дождик вытерлась. Падает перхотью на головы людей и улегается бережно. А волосы дубеют или даже рыхлеют, как земляшка наша. А потом у нашего человечка бактерии поселяются и чаю кипятят для ночевки. И мысли у нашей соломы такие бурные, злые, пошлые. У меня такое было хоть не человек я. Вот, например, идет Он и мокнет. Такой томный. Отчего ему идти по улице? От плача? Я же говорил уже, не идут после слезения людишки на мокрое. Либо пьют, либо иначе сохнут. А Он? Возможно просто устал

и выгуливает себя. Понимаете?

Вот ветерок – скатерть по нашей невидимой прозрачности покатила и вьется по бородке Господа. Так мокренько, но приятно ветерку. Заглядывает и к Луне шаловке, и к маме, и к папе. Каждому. А ему более всех. Но Он толкает ветер. Туда, туда, сюда и трижды туда. Станный Он. То ли грустный и плакал, то ли правда решил проветрить себя. Но как можно проветрить себя толканием ветра. Такой грубой мечой? Не может же Он плакать и идти потом под дождь. Может! Он все может. Даже того, чего рука ни одного художника не опишет. Того, чего ни один писатель не напишет. Того, чего не один политик не построит. Того, чего ни одна этика не этирует. Он все может.

Вот Он идет. Он начинал плакать. И вышел на улочку, дабы мама и папа не видели его синяков душевных. И бродит с мыслями о своей думе.

«Что делать? Зачем я это делаю» – мотается на уму. И мотается, и мотается. Понимает – нужно выпить и покурить, или пойти ... к кому? Пить ему нельзя, курить тоже. А идти? Можно! Но к кому? У него ведь все такое. Временное. А идти нужно домой. В постоянное. Нигде Он больше не домогает. Только дома. А там мама и папа – думают Он с кем-то. Нельзя идти ему. Отчарует от спокойствия ихейные душики.

Вот раскатана тушица на нашей бетонной досточке. Вот красивая девчоночка ткет своему парню шапочку. Вот как она его любит, вот она забота. Шапочку от простывания на

дожделивой погоде. Вот она ручкой так старается. Тютельку в тютельку, нитку в нитку. Опыт любви невероятен. Опыт заботы не безгениален. Опыт зависимости благочестен и так же смерточестен. А честность? Что она? Опыт честности как кожа розочек. Такая рисковая и колкая. Даже фатальная. Сложно сейчас.

Вот раскатился музыкальный рев. Мелодия силы. Мощи. Власти. Господский рев. Великий и так же максимально человеческий. Максимально социальный. Общий. Музыка угодная небу. Мелодия угодная любви. Ее силе. Ее мощи и реву. Этой великой, но человеческой силе.

Катился этот рев. И докатился до ножек его. А Он отпихивает мячик. И тот в небо. Но не к тому, которое наверху. Так Он не отпихивает. Хотя верит, что отпихенное летит ввысь. И только лучше становится. И только благо. Что от него лучше. Как крапива. Не касайся – не коцнет. Летит любовь от него. Летит вперед. В другое небо. В другую мякоть дней и месяцев. К другим людям. И они им сытятся. Жуют и жуют. А зубы мыльные уже. И не очень хорошо. Челюсть скользит.

Вот и в чем проблема его? Отпихнет любовь отчего? Отчего рахтится любовью? От страха? Или от скудности? Рахтиться от скудности нельзя. Сложно. И сердце другим берегом оборачивается. И вода ласкает уже иначе. Менее женственно. Менее ласково и бережно. Играет им. Не более. Или всегда играет? А берег думает, «хорошо мне – кому-то ну-

жен». Сложно все так. Сложно не от начала. Середина и все. Там началось. Помню раньше было – подошел, сказал хочу рядом и с ней. А сейчас – я люблю тебя. Страшное дело. Даже не страшное. А более еркое. Рахтятся любовью. Он больше всех. А от чего? Писать он хочет романы и поэмы. А рахтитя любви.

Вот и все. Рев прошел. Борода сбрилась. А крошки воды выкрошились. Кто – то заболел. Кто-то плакал. Кто-то спит и радуется. Кто-то радуется так, без спит. А он идет и ухо затанцевало. Услышало миролюбивую, спокойную, ленивую на скудность мелодию. И поворачивается он. Думает – нужно. Идет к колодцу звукодений. И видит. На робкой табуретке сидит бледная, хрупкая и по – своему русская девушка. И с такими чернеливыми волосами. Словно виноградный сок. И так поет нежно. Напеваает:

Слабый слабый человечек  
    Помолись ты за мой дом  
        Звездолеший сдобный дом  
Слабый слабый помолись  
    И мою любовь крони  
        Не роняй, не рахти  
Слабый слабый удалец  
    Покорми меня собой

Ухи уже вымялись от танцев. Разбудили и языка, и нервы, и сердце. Дразнят они их. Мол, обратите на этот дар внима-

ние. Обратите на нее себя. Он медленно подходит в обережении ее испуга. А она так замялась. Заметила его. Глядит и страшится. И начинает. Говорит – Ты Он?

– Он? Кто... он? – с пуговкой страха спрашивается.

– Ну, Он. Ты же меня видишь и слышишь. Пение многие видят, но не меня.

– Видят пение?

– Ну да, этот свет в кровати. Лунный для вас. Это мое пение. Мои мелодии. Все их видят. Но не слышат и не видят саму меня.

– Ты Луна?! Каким боком. Ты бля что нахуй?! Та ну! Ты смеешься! ХАХАХАХАХ

– Именно, я Луна. А ты не узнал?

Он хоть и был в метельном угаре. Но подумав трезво – «ведь правда. Красивая, бледная и пышная, хрупкая, черно-волоска. Но как? Как я ее вижу? Жив ли я умом и жизнью?»

– Ладно. Пусть ты Луна. Но тогда нахуя тебе к нам спускаться? И петь здесь? А?

– Чтобы таких как ты спасать. – насмешливо выкикивает она. А насмешливо ли? – А так, скучно там. Все спят, мою музыку не видят. А подобные тебе гуляют ночью. Ищут смысл. Боятся чего-то и идут. И пою я вам. Ты же понимаешь зачем? Хочу, чтобы такие как вы слушали мое пение. И внимали мне. Ты ведь тоже хочешь внимания. У тебя мания такая. Быть слышимым. И важным. Вот ты меня встретил на потрепанной и седой улочке, на этой робкой табуреточ-

ке. Полунагой. Нравится? Давай поговорим? Почитай стихи, выскажись. А я тебе.

Сначала хотел он выпить водки и сигареты от плача душевного и глазкового. Потом пошел гулять. Думать. От рахтения. А теперь она, нагая, внимающая. Чего ему надобно? Хочет сесть ей на коленки как к маме. И высказаться – попросить совета. А потом она.

– А ты потом уйдешь? Надолго? – каряжно спрашивает он. Боится чего-то.

– А ты хочешь, быть со мной? – и с момент подумав оборвала дальнейшее и выругала – Нет. Я уйду обязательно. Нельзя быть вместе мне с тобой. Потом хуже будет. Ты же знаешь сам. Ты просто боишься сказать...сказать о этом апофеозе любви. Я права?

– Можно ...

– Иди ко мне! Я могу помочь тебе. – снеговно прервала она его. Ведь Луна все знает о его горе и желаниях. Все. Они похожи. Не как вода или ее капли. Капли все разные если о их мыслях думать, а не о виде. Нет. Скорее у них схожесть как у смерти и любви. Ее не миновать. Лишь отсрочить. Не более. Я не верю, что есть нелюбящие. – Выплакайся. Мне выплакайся. А я тебе. Ты же этого желаешь.

Вот он испаряется к ней на коленки. Белые, колкие, святые коленки. А кожа, а ноги. Какая красота, прелесть веков. Словно облачко. Приляг он на нее и так хорошо ему. Слезы выплещиваются. И волосами спадают на землю по ее ногам,

и Луна тоже плачет. Так он лег на нее. Так это священо. И обнимаются они. Им страшно. Он и Луна. Страх у артерий. И это волнение детское. Страшно жить. Не вот, а потом. После вот. И он плачет и обнимает ее хрупкое тело. И она – его. Так они вцепились. Ни слова. От этого обнимания им нужно было другое. Они этого понимали. Но не назвали **это** словами. Зачем слова, если есть **это**. Обнимаются и Луна сильнее и сильнее вцепляется в него. Мнут свою боль, свою страхость. Давят ее этим обниманием. Он – спутник Луны, она – спутница его. И слезы текут долго, словно вечно. Вечное скольжение уже дальше идет. Страшно им. А что дальше? Ведь они оба больны. Больны этим страхом, этой болью. Они зависимы от внимания близкого. А если нет такового, то делают близких из подручных средств.

– Почему есть Солнце? Зачем оно без тебя? Луна?

И снова они плачут. Ведь не в Солнце дело. А в раскаивании. В том, что без тебя. Ведь теперь все обретает эту мелодию. Сильную. Сильную. Про слабого. Про очень слабую солому. Которая может спокойно сгореть здесь. На то они и не солома. Они обнимаются. Мнут боль друг друга. И не горят. А ангелы? А бесы? Кому они нужны? Если есть что-то страшнее их мнений и слов. Если что-то возможное убить и тех, и этих.

Вот попала слеза Лунная на лицо его. С того бельинного, нежного, чуть водного и сухого лица. Слезинка. Она слишком щипильная. Так щипит, что солома кислится и исчезает

на мелочь. А он такой же. Сейчас они одни и те же. Для него это тепло. Не смерть. Но то, что после – вполне смерть. Может быть ею названа.

Она звала его, он шел к ней. Лучше бы напился и накурился. А она просто не скучала. Лучше бы они оба не рахтились любовью. И тогда бы жили, не зная бед и друг друга. А так? Что он будет делать после? А Луна?

Жаль.

Вот растекается пот от закутанного в меха Солнца. И Луне пора уже. А он? А он спит. Уснул. Луна заботливая и нарахщена. Привела его домой в кровать. Укрыла и вечно поцеловала. Словно оклеймила, что теперь только так. И целовала не как младенца, мужа, клиента или другую солому. Знаете, чувство, когда вот-вот любимая упивается вашей мыслию и словом. А потом нужно продолжить. И ты уже накипачен и начинает пар выливаться копиями на ум любимой. Уверенность и страх. Это есть тогда. И оно подсознательное, сокрыто под панцирем умном. А потом кончаешь и оно встает и бьет тебя по щеке. От страха просто чучелом стоишь и смотришь на любимую. А сердце раскачали. И дабы остановить нужно что-то. Это чувство было у нее. Она не поцеловала его. А оставила свою жизнь. Она поцеловала свою силу, мощь, жизнь и в тоже время боль, страх и смерть. И ушла. Оставив кроме поцелуя слезку. Таковую неряшливую и пылкую. Она ушла. И я уйду. До завтра.

На стыке навящцевейших туш (3 Призыв)



Ситцевые слезы политических мышц.

Слышали не давно, а скорее несчастно год назад, великую поступь человечию. Он проснулся и бух. Ногой конечно. А не душой и членами. Ранее здесь вообще мало что было. Мало от человека. От деревьев, от лесов, от сумраков цветов. Громадко от природы. Ранее здесь и тигры розовые бродили. По пустыням таким. И жевали траву коларом ихним. Розовую. Жуют, жуют. Рядом прокруживаает заюшка синенький. Тигр дожуевывает и прогавкавыет – а ты что, заишко, куда держишь прыжочку?

– Да так. Я ... везде дом у меня. Я так, гуляю. Ищу себе норочку поспать.

– Ясненько. Хошь травушки? Сладкой, сладкой? Хошь? Не стесняйся ток. У нас все дом. У тебя. У меня. Все – дом.

– Спасибушки, я не голоден. Ток виноградной моркочки пожувал. Вишь на шубенке залеглась жидокость. Я пойду. А то не выплусь.

– Ладненько. Ты если травки пожелаешь, иди ко мне. Я поделюсь. А если понравится – покажу много мест с ее вспыхами земными.

– Да! Завтра тогда, а сейчас спать. Пока что пойду поищу посплю и завтра. Хорошо?

– Я буду ждать. – и продолжил жувать травку. И тоже плескается травка на рубашонку тигрю. Но не видно пятен. Цветов одинаковы.

И пришел потом зайчик. И кушали они травку. Вот так раньше было. Без людей, без дорог, без чемоданов. С лесами, травой, деревьями. Громадно от природы. Малородно от людства.

И закат раньше по- другому навивался на платочек небесный. И по-другому небесные города плавали. Менилось. Эволюция.

Шел второй год борьбы этих двух. Боролись анти чего? Ну... Молчание. Он – за ее внимание. Она – за свою мечту. Смешная война. Небережная. Как-то он пытается ступить на берега эти. Фу. Не приятно даже дышать этим. Озвучивать до катков на жарке маслом. Нельзя.

Он проснулся рано. Наудивление. Зачем? Дошло до него это. Это безумие. Этот страх. От чего-то он заикнулся силой. И решил описать это. Не это, а другое. Что было до это. То есть процесс их борьбы. И что после него. Но не это. Этого он еще не испытал.

Сел за несколько нервов и волнений на стульчик. И смотрит на монитор. Смотрит. Открывает файл и начинает. Вроде не идет сначала. Довольно графомански хорей и ямбы родились у него. Но рифмы какие! А абляизмы. Или не абляизмы. Я не знаю. Хотя, наверное, он бы их назвал абляизмами. Это бя – гениальное и научное пайком для военных. Каша, галеты и еще что-то. Спирт то ли, то ли хлебец. Точнее не скажешь о его работе. Решил он показать разрушение чело-

века, поэтического человека на части. На части – ум и чувство. Ум умирает. Чувство шевствует по околоченной, озыбленной земленке хаоса, паники и, наверное, этого. А скорее даже патологичного рахтения любовью.

И в секунду он заныл. Знакомый запах испарился по комнате. Но не мне знаком. Ему. И как бы то ни было, начал писать. Быстро. Одно. Два. Три исправления. И ускоряется. Стремится к концу. Но что в конце? Он пишет. Слезятся его пальцы. Глаза истераются в истериках. И плохо. Душа сжимается в жаре и распускает волосяную прядь слез и боли. Этого страха рыхлости ощущений. Что он сейчас ощущает? Что у него сейчас в душе? Это страшнее блендеров и других измельчений. Его душа не мельчает. Хуже. Страшнее. Глобальней. Как глобальное может мельчать. Нет. Она расширяется дабы в конце лопнуть. И умереть, ведь когда душа поэму чувсвомнасыщенная лопается – все. Этот смех. Не красный. Не фронтовой. Не пороховой. А ласковый. Ласковый смех. Он сочится после. После лопанья.

Страшно за таким наблюдать. За таким больным клоуном. За таким клоуном. За таким, играющим на свою смерть и высмеивание, клоуном.

Пойдем к ней. К неопределенной нашей. Она проснулась позже на час. Где-то так. Ведь она вчера работала. А сегодня что? Поход по улочке. Погулять с подружками. О том, о сем поболтать. Отдохнуть. Но сначала умыться и поесть. Облегчить прежелтое, небесное личико. Обелить снежнобелые

зубы. И насытить памятное тельце. А. Еще душу. Почитать важную литературу. Про нас. Ой. Про них. Я- то уже давно не молод. Она читает про себя. Про любовь в ее возрасте. И сытится ей так. Просто видит любовь она зависимостью, но не властью. Обязанностью, но не авантюрой. Странно, но видимо так видят все ангелы. Видимо так обертывается любовь ангелам. А клоунам нельзя любить. Они... Потом поймете. Потом прочувствуете всю его склоунность.

День только будет. Я пойду пока перекушу чайкой отдыха и вернусь. Ждите.

Глазами ребенка ноет почва. Почва.

Теплостью бытья я чуял запах милых лиц. Вы, ангелочки тесноскормленные болью и полутьмой, как у вас идет сие? Вы радостны, что кислородом подметааете святую пыль с ее, Его и с наших ног?

*Кто таков ее?*

Один дорогой мне человек. Она внизу. Под нами.

*Да, Евгурий. Мы дышим и Его, и ее, и Вашей пылью ног. А вы нам покажете новый дикларет о Римских завоеваниях? Нам очень интересно. Нам очень нужно. На велико интересно, позангел Евтурий. Очень, причень.*

Конечно, мои ангелочки. Раз вам интересно, то обязательно. Только завтра, а то и после завтра. У меня важные планы. Важные ходы нужно сделать.

*А вы расскажете о ней? Очень интересно какая она!*

Да. Обязательно. Вы главное ждите меня.

«Ангелочки улетели вдаль, наверное, на другое облачко в Ангалос»

Чтож, сегодня суббота, а значит .... Она идет гулять. Она идет бродить по прекрасной весне, по прекрасным берегам зимы у весны. Прекрасное брождение. Пойду отобедаю и затем примчусь на утес облачка и начну глазеть. Какой хороший день. А завтра ангелочкам про нее и про Рим.

Отъезд на паперть к Веснушке.

Коли вам нравятся петушинные бои, то вам понравится мой анекдот.

Приехала бабка в Америку, захотела купить манки, а в английском ничего не знает. Пришла в магазин, у прилавка – негр, ну она ему и говорит:

– Дай манки.

Хахаха.

Теперь продолжим. Я отобедал и отодохнул. Что определенное тело делает понятно – пишет грозяще себе. А тельце вполне неопределенное? Правильно. На улочку.

Начитавшись про эту любовь и эти страдания – она смеется. Иногда удивляете уверенности героя. Он такой смелый. Сильный. А она такая – не такая. Как не все. Какая-то альтернативная. Абсолютно все равно на других. На другое мнение от ее. Она такая же. Прекрасная. Прекрасная неопределенное тельце.

И звонит подружнице. И говорит – гулять. Да. Как же прекрасно оделась. Так дерзко и по-своему официально для войн. Будто на свидание. Так и есть. Она идет на свидание с подружницей. Будет ее обнимать, целовать, и болтать о всяком таком.

А погода благочестивая. Бережная и оттягивающая горе. Холодность. Тают недоснега. Недосугробы уходят. Все зимнее отходит на паперть к Веснушке. И целует ей пальцы ног. Эту зеленичную, эту природность. Эту чистоту века и любви. Весна – любовь. Зима идет к любви. А Прекрасная неопределенное тельце по любви. Как среди наивной лампочности Солнце. И сжигает весь искусственный, наивный свет. Всех и вся. Ведь оно сила, мощь, власть. А оно Прекрасная сжигает также. Но не мощью и властью. А собой. А своей красотой души и тельца.

О ком думают вороны перед золотом!

Солнечное мое блаженство. Насыщен я звездной пылинкой. Прочитал Новый Зарок архангела Адвениила. Хорош он. Так предан Господу. А я его мыслю. Мы так хорошо три назад играли в прололушку. Такая хорошая минутность была. А еще перечитал завет Господа –

*Сердца подьянцы решили грести*

*Наивных детей мужья и деды*

*Солнце на языке тает, чем у зависимости, медленнее*

Окончил на этом. Так завет о влечении и привязи душ. Жуткая вещь это право на разделение сердца на двоих. Вообще странная травма у живого есть. Травма то ли быть желанным, то ли быть любимым. Странное очень. Хочу я быть любимым? Менее чем более. Не уверен. Я вообще в последние дни сам не свой. От того, что я не наблюдал за моей святыней? Или от того, что мне как-то не по душе душеничать? Как-то словно ушиб на сердешке, и я чувствовать стараюсь что-то о душе и так неприятно. Горько. Песочинная утварь начала сочитать крошками и мне больно о душе.

И еще эта весна. Красиво конечно, но ощущаю некоторую отзимованность моральную. Настроение делать другим весну, а себе лишь – зиму. Ангелочки. Маленькие такие. Они так мне настроение поднимают. Добро хочу делать для них. Для моей святыни. Тоже хочу. Но не могу. Времени малою

Она уже выходит через мелочь чирка, или даже уже вышла.

Углекислый ветерок проплелся по моих стрекозухам. Паутинка походов зимы на весну. Несет свои снега, сугробы в казну этой весны. Хорошее время весна – но не сейчас и не для меня. А ей видимо хорошо. Блаженно. Рубашечка чернеливая, брюки, пахнувшие бережностью и материненской любовью. А сама не чтобы яркая. Скорее распространительная. Это двойное что от яркости. И именно двойное. Распространение всегда в пару. На двоих делит. На нее – и других. Она верит во что-то. Поэтому очень распространяет свою веру на координацию света и другого. Того что от света. Ведь она между этим. Между этих доколе неизвестных сред. Одно – частицы, другое – нечто после частиц. А между это есть оно. Свет раскромсанный во тьму дает нечто более блаженное чем жизнь со смертью. Это более полезная плоть и воображение. Она скорее есть сам замысел. Видимо для меня она замысел всего сущего.

Вот она, растограющая любое войносочетание и смертесоюзничество. Она правда не свет и не темень. Она именно замысел. Пьет стужи воздуха литрами даже не замечая. Она замысел. Замыслу необходимо не тыкать внимание такой мелочью как воздух. Расторгает все бабочкины былины о муравьях, все стрекопрозы о языковых войнах, все мухинные сонеты о своей никчемности. Она замысел сущего. В ней душа настраивает мир на гармонический замысел. На эту красоту всего. На благодать и осмысленность. Замысел таков. Она та-



кой замысел. Вся природа поклоняется ее тернистым и вечным ногам. Их гуманитарности и гуманности вопреки всей доспехности ее боли. Скрывать боль сложно длительное время.

Она есть Господ для всех них. В ней есть это господость. И проходит она такая неслучайная по седым районам. Глядя всем в лица. Ведь все люди счастливы, всегда во время весен и во время этих растягиваний сугробов и снегов с зимы до этого живяцелущего всю боль. Кладезь боли земель и природ сама строит мосты для ее поступи.

Вся природа хочет великого. Ее плавность и спокойность – великое. Земли расслабляют свои спины. Воздухи обвиняют хрупкость. Травы навивают святой путь. К ее подруге.

Как они вместе выглядят. Какая она счастливая с ней. Аж солнце от ее передозировки счастьем начинает пестриться ярче и сжигает всю дурноту мысли под фаланги сущего.

Мило обвиняют друг другу руки. Как ее кожа плавит горе. Как позолочено – бледна ее кожа. Как она целительно оберегает спокойствие других. Как она мила своей натурой. Эти мельковые бессмысленности, ветрящиеся из ее кратерка рта. Словно последствия взрыва слабой и инвалидной звездочки. Это не годится ей. Это мало, слава Господу! Больше смысловых взрывов из этого кратерка рта. Глубина любого ножа ее рассудка так остер и острог. Поражает любого кантиста, хайдергиста и другистов. Ведь они думали не так как она. Они не замысел, люди. Думали, как люди. А она -, как замысел.

Как хочу с ней поболтать. Как хочу с ней увидеться и подышать с ней этим воздухом. Этой смесью ее души и других менее чистых благ. Как хочу. Но можно ли? Да. Но нужно ли это ей. Она такая радостная. Как солнце. От нее исходят медовые волосы, сластящие любой горький вой сердца, любую скупость проливов чувств и отливов душ. Как хочу. Ведь как ангел без замысла. Без подпитания своей замысленности. Как можно не хотеть святого золота, как не хотеть запаха этих цветений души, как не хотеть вытканых городищ мыслей. Как не хотеть данного, когда оно перед тобой?

Они говорили – словно нет.

... (примерно через сотню смехов и разных речей из ртов)

...

...И как бы так ей взгустнется от ухода подруги. Она идет домой – ей грустно без партнера. Это самое время. Одна. Грустная. Есть лишь чувство. Лечу.

Вот я ближе с каждым мигом. Так давно не покидал небес. Так давно был раним кашерной землей. И никогда не дышал рядом с ней и тромбой, и умом.

Вот она. Как она уставша и отчаяна на страх. Ей видется, что все ей хочет навредить. Сомнительность должна сейчас медленно обнять ее сердце и поцеловать. Как это может быть явно так! Никак! Все ей желает же добра. Вот навящевый риф солнца играет нашу любимую мелодию жизни. Вот уве-

ченые дубы начали прихорашиваться для данной особы, для уроченных кратотами глазей данной скрежали жизни и духа. Ветер идет ровным маршем по седым и хрымим улицам этого города.

Земля! Ты в стократ страннее облака и с мигкрат мечтательнее всех небесных королей и королев. Ну... Помимо ангелочков. Они мечтают больше. Больше другого существа и люда. Она близко. Я чую ее святой дух. Дух, единственно преисполненный нежной оскальпленной улыбкой и умостью. Время обращаться.

Как же так подойти? Какой фокус использовать? О, зайчишко! Лети к ней.

Прыг- прыг. ХАХАХА. Какой милый он. Все. Время идти. Она его гладит. Как это блаженно! Лучи святой замыслии по снежным и беляйным шерстякам и шубьям зайчишки.

Вылезаю.

Это мой кролик. Простите если потревожил.

...

Почему она так смотрит? АААААА. Она же не является небесной тварью. Она не может слышать нас «среди – слов».

–Это мой кролик. Он вышел из рук. Взбесился что-ли. Это странно быть взбешенным таким святым существам, таким святым и чистым. Вот вы не похоже на взбешенную, а на свя....

Заткнись...дальше другое.

– Он милый. Не похож на дикого. Сколько ему?

– Десять тысяч... Три года.

Юродивый олень, как же это десяток тысяч лет кролику.

Баран.

– Милый он. И такой молодой.

– Ну он хоть и милый, но ссытся постоянно. Странный кролик. Говорить умеет.

– ГОВОРИТЬ??

– Да, а как иначе...

Ой.

...Он и танцевать умеет. И в беседах участвует постоянно.

Вот начнем мы говорить о значении звездной мечты в системе человека – он присоединится. Не верите?

– Довольно занятно. Покажите?

– А мы заговорим про звездные мечты и их вспыхбаумы?

– Вспыхбаумы? Это типо шлагбаум для звезд?

– Ну. Нет. Это их освобождение.

– Освобождение?

– Ну от своей оболочки. Как.. Люди. Попадают в рай – ад.

– Вы верующий?

-Безусловно. Иначе я не могу, по сути. А вы верите?

-Нет. Он нужен лишь для жалких людей. Которые не видят ничего в жизни и целей в том числе.

Нельзя так красиво говорить об истине, которую так любишь. Как вечно, под ее крюк слов любая рыбка, любой кит сам задернется. Не будь я ангелом – сам бы верил в оступание Господа. От ее слов есть вера. Вера в чистоту и безмятежность ее слов. Хоть она и не права. Я бы верил ей весь свой гроб.

– Ха. От чего же? Людской Господ – лишь форма, выражение. Предмысль. Понимаете? Вот допустим Иисуса распяли. Зачем? Ну ... там долго. Ладно, отставим. А вы верите в жизнь после смерти?

– Только память остается – не более, вот.

Убогоподобно. Невероятно. Она чудесна. Она как ангелочек. Только, даже лучше. Она может врать себе. Врать долго и счастливо. Ангелочки тоже врут сомнением. А потом начинают знать правду. Так и ее ум. Он сначала в одной палитре – зимней, а потом лето правды идет и мутирует ум ее.

– Ха.

– Чего вы смеетесь? А вы что думаете? Дайте мне тоже порадоваться. Ведь рай и ад лишь человечески концепции. Дурные и тепличные. Не более, вот.

– Вы необычайно, архичеловечно и вообще архиэстетично блистательны! Вы прекрасно думаете и ужасно, фатально верите. Хотя, это даже лучше. Вы не надеетесь на Господа, на это чудо. На жизнь после... Да ладно. Как было у разных авторов. Вами прочтенные книги о больных говорят, о чем? Вот и я. Там жизнь. И чего у них много личностей. А тело большое. И душ много летает – негде им ужиться. И вот они грызут проволоку нерва нашего единого. Но и это не важно. Дальше не верьте, священная! Лучше неожиданные....

– Я не священная, а прекрасная! Во- вторых, они больны из-за мутаций и...

-Точно, Мая Прекрасная...

Ой

– Кто ты? Маньяк! Помоги...

– Нет, я не ... я просто.

– СТАЛКЕР!!!

– Да нет же, я

Хотя по идее да, я спокойно могу сказать где и что она делала в каждый миг. И то сказать? Что я ангел?

(Я за тебя скажу, не бойся)

Зайчишко? Не стоит, я сам. Ты будешь лишь моей уликой. У меня еще столько миггов. Но нужене лишь сейчасный.

– Я ангел, и постоянно следил за тобой на вон том облачке. Катался и глядел на тебя. Я правда сталкер. Но это...

– Помогите! Караул! За мной больной! Больной клоун – не ангел! Помогите народ! За мной больной!

Как это быть может. Я. Я КТО? Что это было? Как это было. Чьи рельсы у моей горловой совести. Мне душит. Бежать. Куда? Где они. Почему травы сплетаются в канат висельника. В галстуки смертянок. Почему ветры стали так мять свои мышцы. Эти хрусты суставов мышечных поездов. Какой кошмар. Кошмар? Сон? Мне же снилась она, ее ласковое изречение были. Она вечная. Вот что такое вечность. А почему Луны нет? Где это блюдце сонатов и песен? Где? Слышите меня звезды? Отверстия бедного мира – звезды. Вы слушайте?

– Да, родной наш! Мы знаем...

Кто? Почему вы знаете? Кого знаете? Бетон не надо. Не клеветничай на меня. Тварь ты. А вы. Камни не точитесь о свою наждачную стойкость. Не нада. Не виновна она. Я. Бейте меня. Но не ее. Дубы. Не судите ее. Вы мудрые и надчитанные, но не ее. Не ищите на нее вины. Сосны и клены!!! Вы что раздеваете этот слух? Вам важна боль ангелочья? Она не виновна. Не кричите Дети крыл и воздуха. Синицы мои. Что это за вой дикий. Она не виновна. Мне жарко. Очень. Спасите меня. ....

.....Как дышать? Отец, Отец наш Господи! Она не виновна. Утюги не плавьте ее – меня надо.....

.....Молись не за меня словенцо. Не молись тварь. За нее. Она. Лишь она есть на свететееее.е.....

....Спаси Господи ее. Я хочу помочь. Господи. ТЫ где. Сколько тут грязи, вонючий кошмар!

Найди дом ей, найди ей отдых Господе. Дай ей крылья и то, что у нас. Дай наше время. Дай всего меня. Реки, не заряжайте ружья! Она не виновна. Все заткнитесь и успокойтесь. Отстаньте от нее. Дайте ей пожить. Спокойно. А это.... Ты



не высасывай яд из их туш. Они не связны к ней. Ей отдых.  
Но не.....

..... Куда вы света. Что это? Это луна? Она ее свечение.  
Нет. Палачи света. Лампочки. Дайте мне ответ хоть вы.

– Чего тебе?

Я виновен. Я вижу это. Человеку нет времени. Покоя нет.  
Есть лишь мечта и сила души. Но все против нее собирается.  
Слышите?

– Больной что-ли? О чем ты? Все? Ну вот река просто как  
обычно. Деревья так же. Звезды....

Что? не видите этого покушения? Почему? Скоро ни-  
чего не будет. Это.. .a.a.aa.a.a. Жарко. Это все против нее.  
AAAAAAA.Жара.Какой ужасный сорт чувства против нее.  
Любовь. Она против нее. Она выжимает из тех яд. Он стра-  
шен хоть и мило ... жарко .... Милостив на вид. Не видите?

-Больной? Или давай и не ссы? Тебе кажется. Это пред-  
рассудки. Иди давай, или оставайся, но молча. И вообще....

Молитвой греха не скроешь.

Вот и начинается вечерний миг жизни всего света. Сегодня ветер как не свой для весны. Может так ждал сроков ухода зимы с престола времен? Не знаю. Удивительно конечно. Ветер, пустое небо. Просто чернь с малыми белыми ветрянками. Такие неумелые окончания умелого художника. Белое на черном. И даже не бело. А от черного высветленное. Ветер сегодня ходок. Облетает всех мимолетной секундой.

И мало кто на улице. Все дома. Вот старушка смотрит телевизор. А детишки познают развлечение и кубость через кулачество. А он ждет. Ждет свою гостью. Родители его уехали в далекий черездорожный край и вернутся по усталости ветра. Ой как не скоро скажу вам.

Ждет гостью. Прибрал бумагу, одежду, одеждуплялки. Прибрался вещами. Придухарился. И оставил на столе блокноты и листы со своей поэмою. Чтобы гостия увидела.

Все сделал и ждет. Каждый чих двери оставляет на его сердце дрожь. Такую липкую и непрохладную. Дабы придуть длину времени, он перекрыл свой секундой харч дрожи и начал читать Венечку. Хорошо. Хорошее произведение. Нравится ему. Смеется. Вот оно – и немедленно напившись.

Стук. Стук в 99 квартиру.

Это волна раскомых мечт прошла кораблем или целым флотом по 99 квартире и оставила свою пушечность у его сердца. Как забилося сердце? Как смерть любит не грешить. Он кидает книгу, но не суть произведения. У него сейчас то же. «И немедленно напившись». Только не выпивкой в своей сути, а **этим**. Помните **это**?

Обычная дверь в его глазах словно сотня баррикад к заветной жизни. К заветному счастью. Просмотр в глазенек. Открывает.

Вы слышали, как кричат дети? Этот детородный писк боли и новой, безызбежной жизни. Свободы духа и смерти. Я слышал. Этот писк пленит в некую боль. Напоминает про рабство и недолговечность счастья. Этот писк простонала дверь. Он пронесся бесслышно, однако присутственно.

Неважен этот писк, важнее, что дальше. Она. Среднего роста девушка. Бледно- пышная. Облачная. Такая же страдающая и боящаяся всего. С черными волосами. С цветом космоса, вечности. И эта аура белого тепла. Дома. Никто не видит ее. Ее прекрасные хрупкие ноги, облачные и подушечно мягкие. Аж бери и засыпай. Ложись на них как к матери. Или бери и просто трогай их. Все же хотели трогать облака! Они будут невероятно горячи, хоть это и Луна. Солома просто сокращается в ночь. Не для соломы, не для лампочек красота и душа Луны. Не для них ее прелестные ноги и она. Для него.

Как она вцепилась в него. Будто смерть грозилась надругаться над ним и держала его в своих хоробах вечнящие века. Так крепко обнимают мертвецов или сердца. Она плакала. Он следовал ей. Руки в сцене моста пытаются защитить его от другого мира. От мира жестокого и тучинного. От этой неприличной косточки чужого. И шло время, катило свою лодку по водопадам и водовысям уверенно. Качественно и незаметно, как всегда. Но их постоянно игнорировала. Не вела их за собой. Давала эта лодочка им побыть так.

Вокруг них густая темень, справа спальня родителей, слева его комната, позади пустая и громовая боль, впереди и так понятно. А посередине они. Горят гротескной свечой. Горят как ни горел ни один Лондон. И не таят воском. Не это здесь важно. А что все меняется наверху этого моста из ихяйных рук. Люди, домыслы, догадки, слова, звуки, пицание, время. Это все восковое. Оно не выдерживает такого. Никто не выдержит.

Вот оно. Проходит ветерок по ним и диву дивится. А что делать? Пойду полетаю дальше. И они пошли в комнату. Сколько слов необходимо человеку, чтобы просто сказать о себе и своей боли? Безгранично. Им? Вечная нульность. Что звездой обведено – будет благом. Их слепки глаз. Мокрые слепки. Таящие в себе счастье. Эти слепки плавают друг другу. И смотрят и расплачиваются за свое счастье водой. Соленой и резиновой слезой. Лезут обниматься и уже понимают,

что дальше сильнее. Сейчас может быть сильнее. Это уже идет дальше и клепанной походкой по раненым в бое бойцам. Грехи! Как вы параллельны песку. – изламывает это. Над плоской ошибкой прошлого лежит ковер. На этом черстом и ржавеющем ковре они улеглись.

Сложно. Уже отошли друг другских обниманий. Наблюдатели-глаза вновь соприкасаются. И снова лезут обниматься. Но сильнее. Жарко очень. Но окно далеко. Его открыть очень сложно. Да и нужно ли это в данный пролив? Что дальше идет скорбью? Жара или этот миг полной веры в свободу? Они выбрали. Этот было сложнее. Их чувство, их «иначе не может быть» говорило им, что так все и будет. Что ни слова не проронят. А ум говорил – болтать и не плакать.

Только плач от них и остался. Да еще и этот стан страстной силы. Силы выбивающей из ума любую гиперболу. Превышающую любую мель. Заедающее судна и полубогов. Эта сила самасебягниющая развертелась теплым и фортопианным запахом. Запахом счастья и веры в свободу. Сердце их уже дразнит, кратерки рта подвертывая и раскапывая рельсами дней. Дразнит – ой не хватает!

Конечно не хватит. Никогда не хватало. И не хватет. Этому безплоскоственному образцу жизни. Вот кратерки рта и накалились. Разгар этой бойни. Предапогей чувства и счастья. И веры в свободу. Что произошло с этими двумя спутниками друг друга? Столкновение. Столкновение краями ядер и магм. Темень как ногтем соскребло и все. Я не мо-

гу это описать. Весь этот резонанс мира. Всего вокруг. Какая революция мира! Ихни головы начали вымыливаться и немного плавится, но это мираж. Это лишь жар искажал водянистые порывы глаз. Еще долго, век, миг, гроб они держались так, целуясь. Вцепившись в свои жизни. У Луны были почти кровоточащие губы. А лицо словно сугробы. Страдальное, белобольное и крепколюбящее. Несколько тощее. Хрупкое как звездочка. Легко раскрошить – тяжело удерживать. И льются слезы. Да что льются. Они-то льются, но до конца не доходят. Это война на истребление. Геноцид боли сейчас среди них. Слезы расплавляются острием их теплой секиры.

Их ощущение расстояния времени искажено до проруби. Тонет оно и не работает ввысь. И все так могло и закончиться. Их тревогательная беседа о жизни, о любви, о сути. Все оно могло начаться лишь бы не это целование. Разгар этих чистых распылей. Он истреблял всех. Детей, взрослых, стариков, веру, Господа и домысел. Все. Не щадит этот угарный газ. Этот переливчато желтый смехогаз. Он был среди их, истощался от их душ. Все задохнулось. И время, и начало, и конец.

Вот прошел уже 6 час наблюдений, и они словно мертвцы. Все движется, бушует, страдает. Но не они. Они среди всего сущего и отсущего. Они отрубались от потока, от течения всего. Вот ветер начал покоится. Немедленно уставать. И полотна рек не разлетаются цельно. И деревья не судят. И

все. Кроме них. Все покоится и спokoится. А они от всего этого. Не за границу. Ближе. Просто видят иначе.

Вот струны ветра настроились по-весеннему. Все нарядилось в природу весеннюю. Рекинные полотна разгладились утюгами снов. И они. Они тоже стали по-весеннему. Спокоились на конец. На этот еле живущий, держащийся на секунде нитки своего пребывания на свете. Он лег спать. Он истощился. И Луна также. Она ушла бессвязно. Спотыкаясь и улыбаясь. Горюя печалью о нынешнем. А я горюю, что скоро может быть. Луна, бескосая, бледная, иссушенная от боли, чистая радостью. Она летит домой, на свой бывший дом. Теперь-то все понятно. Где и что у них что.

В крестовых поисках нашего, непрерывного и нетленплодящего (4 призыв)

Проще/ание Мальдорора – наш выбор был дальше, но у. Меня не было ...

Сны!, ей снился я!

Что было здесь? Вчера было что? А почему вчера? Может это сегодня? Руки? Руки! Нужно понять не когда, а что! Это был сон? Или правда? Я чист, мои крылья чисты.

(Ты пытался, но не можешь уняться?)

Зайчишко? Это был ...

(Меня это не тревожит, «что сон?» или «что явь?». Не ладно ли? Не должен ли ты просто уняться этим вопросом. Где явь там и сладкость сна, где сон там и копность яви. Ты сам это видел и слышал. Тут не во вкусе дело, скорее в нити и **этом**. Уже же рахтился? Или это лишь поласкивание?)

Я... УМЕР?

(Нет)

Я жив?

(не имеет валюты на определение святизны и значимости)

Я сп...

(Иди за мной)

Но зачем? Ты слушай...куда ты? Выслушай! Почему он меня не слушает? Он же всегда мне повиновался, он же – это часть меня. Или все, что от меня отрывается потом сминается в шар и катится по себе, по своим кочкам? Против меня? И где я? Будь это явь? Не знаю. Будь сном? Не знаю. Пойду за ним. Он знает лучше меня, **он меня сюда привел**.

Все так хаотично. Стены где-то гладки, где-то скошены, где-то пшеничные, где-то спят. Ковры? Они живы? Или... А цветы! Они везде. Вот наши, небесные – а вот оттуда, земные. Гвоздики, ландыши, розы. И маки. Красота, но не все они движутся. Те спят, а те хромают и падают. Бывшие красными, белые розы напали на друзей желтых роз. Они хотят их страну и мир. Гвоздики. Ландыши. Тюльпаны. Тюльпаны! Жадность в вас. Хотите во всем быть! И не как гвоздики –



просто быть. А быть впереди. Кошмар.

Солнце? Почему оно розовится? Румяна или что? Свет все равно желтый, лучи такие же как всегда, но цвет... Что это? Древних сумраков деревья? Дубы и сосны! Как вы милы. Как вы мудры. Как в вас столько души. Ума и стойкости.

– Небо....

Небо! Никогда не было такого желтого неба. Солнце просто растаяло, или разделась под теплые души. И решила холодное небо обернуть. Вот почему солнце розовое, а все желтое. Световая шаль. А внутри розовое. **Сон ли это?** Нет... не об этом.

Слышу воду! Но что это за вода! Что она поет?..... Не разобратъ. Про дом что-то и слабину. Мой дом слаб? Или это ее дом начинает слабеть? Не могу понять слов. Это язык «средди-слов». Но только более древний. **«До-словный»**. Я? слышал о нем где-то. Но не помню где. Это вроде голоса... Как же он работает?! От души вроде? Не знаю.

**(Иди ко мне. Ты все узнаешь)**

Зайчишко! Я уже близко. Иду.

Берег. Где я? Что это за место? Какая сильная и острая вода. Она не принимает желтый. Она не отражает ничего. Поче...

– Она спит – взаимодействовать боится...

Кто ты? Ты ... ребенок!

– Не бойся меня. Ты знаешь меня не по летам и мигам. Просто не помнишь! Зайчишко такой милый!

Он... Ты понимаешь меня! А значит ты небесная.

–Нет!

А как же? Ты продала душу...

–Нет! Я лишь пятнадцатилетняя девочка. Не более. Ответ на твою боль и то. Здесь все одинаково. Ты же сам видишь. Солнце розовое. Раздетое. Нет пока что небесного и преднебесного. Понимаешь, ангелочек?

Ясно. Я...

**(Нет)**

**А что же тогда?**

– Давай купаться?

Ку..паться? Я... Ты .... Где ты?

– В водичке уже! А ты где? Ты такой медленный. Один миг прошел и все. Дальше мига не можешь видеть? Хахахаха. Какая водичка! Ласковая!

Я не могу видеть твои передвижения. Ты...

**(Именно, тут – Смерть. Но не по твоей смерти она пришла. Не в этом дело.)**

А девочка лишь форма смерти...

– Нет. Девочка – настоящая. Я настоящая. Видишь. Щас умру.

Ум...ру? Стои! Что! Нет! Кто тебя тащит. Как? Здесь... здесь все мель для меня. По колени. Почему же она.... Зайчишко!

**(Не проси у меня. Я не смерть. А кто смерть? Спросишь ты. Оглянись. Все живет. Кроме девочки. Зна-**

**чит смерть будет на глубине. Или лучше. Смерть будет  
лишь при смерти.)**

Я .... Я был на воде, а теперь на берегу? Где я?! Что это  
за берег? Зайчишко? ЗАЙ.... Вода во рту. Почею.м.у..м.ыв-  
п.упукпва.

**(Ты хочешь знать где? Скоро все узнаешь. Просто  
жди.)**

Чего ты смеешься пред смертью! Шутку расскажи всем!

Кхехехехе. Кто? Где я? Спальня? Канделябры? Кровать из  
трав с мертвых облаков. А тканья из перыстых вин, челове-  
ческих вин. Кто воровал человечью вину? Где я? Я в аду?

**Н  
Е  
Е  
Е  
Е  
Е  
Е  
Т.**

Этот пронящий хаос и прянящий боль голос. Зло. Вот что  
он такое. Это Мальдорор. Где я? А, Мальдорор?

**Когда я загвоздками туч питался**

**Еще был почти молод**

**Я сильно боялся**

**Быть своими не понятым.**

**Ко мне лети.**

**Тут тебя уже заждались.**

**Я**

**И твоя хроника боли.**

Бред. Как я могу быть среди демонов и бесов. Причем не последнего по скроку беса. Кошмар. У Меня есть выбор? Нет. Но если зовет значит скоро появится. Это камень? Из чего сделан пол и стены? На ощупь... Не понимаю. Из чего? А дверь? Огромная она, однако. Такая щепастая на ощупь. Стоп. Это ... Она сделана из мести. Из жестокой мести. А скрип пролитие крови. Скрип мягкий и влочистый.

Коридорище. Длиннющий. Бесконечный. Вечный коридор с вечными дверями. Материал стен и пола одинаков. Это из чего они сделаны? Люстры. Подлечу посмотрю, что они. Твердые! Алюминий видимо. Или... Патриотизм. Но... Откуда? Он так светит. Такой горячий и крепкий. Но...откуда.

**ЧТО!** Коридор стал короче. Эта дверь приблизилась сама. Да что там дверь. Ворота. Ворота в царство тьмы и смерти. Они другие. ДА. Я так и думал. На вид это не перепутаешь. Ревность. Такое вязкое и мерзкое оно оказывается на ощупь. А на глаз яркое и эпилептическое. Ревностное.

«Оставь надежду всяк сюда входящий». Вот что у меня в голове. Но надежда есть. На что только? На то что все было сном? Или... Нет. Не думай. Скоро узнаем. Ворото в царство зла, отворись! Дальше тьма и неизведанное. Я среди бесов. Среди чувства, вырванного из сердца. Я вспомнил, как это можно сделать. Но как он вырвал патриотизм? Или. Нет. Не может такого быть, поэтому успокойся Евтурий. И просто иди.

Он всегда им был, он и создал ее, спасибо!  
Не благодари!

**Быстро ты, однако!**  
**Быстрее сме...**  
**Нашего будущего гостя –**  
**Смеха.**  
**Как добрался?**

Где я – это понятно. Вот у меня вопрос. Отк...

**Патриотизм?**

**Ты думаешь я не умею воровать**  
**чувства патриотизма?**

**Глупо, как взрыв на Копернике**

**Я не умею!**

**У живых по крайней мере.**

**Значит воруете у мертвых! И когда же? Хахахах. Когда...**

**Смех,**

**Добро пожаловать в наше турне,**

**Турне по мехам**

**Важности душевной корки.**

Забавно. Из чего стены? И пол? И потолок? И как ты во-  
руешь у смерти, или у вас договоренность?

**Стена да пол да потолок**

**Из глубины болей людских**

**Твой Господь от страсти занемог**

**У меня она в обоях.**

Из страсти? Так много страсти?! А ты не стесняешься на-  
блюдать за....

**Нет, ты чего!**

**Глупый ангелочек!**

**Из любви они.**

**Из твоей кромошной любви.**

**Ишь как много.**

**И заранее отвечу на твой вопрос.**

**Да, ее обильно на свете.**

**Больше всего.**

**И я не лишаю людей любви.**

**Они сами ее отдадут мне.**

**И у смерти -**

**Хахааи -**

**Я беру часть.**

У вас договоренность?

**Нет!**

**Хочешь человеческого чаю?**

**Зеленого?**

**Как она любит?**

**Подайте чаю зеленого гостю!**

Она? Ты ....

**Не, я наблюдал,**

**А мой подчиненный**

**Зайчишко!**

(Да, господин.)

**Вишь!**

**Со мной он!**

**Под моим крылом.**

**ХАХАХА**

А...

**Да!**

**Во твоём сне был я.**

**Я пытался тебя вытащить оттуда.**

**Просто место неприятное.**

**Где ты был?**

**ХАХАХА**

**Берега Прочего.**

**Там ты был**

**И там была....**

**Смерть.**

**И девочка...**

**А!**

**И то, что было до этого.**

**Прости!**

**Это была явь.**

**Ты просто выключился под фонарями.**

**И зайчишко забоялся –**

**я ему дал руководство что и как –**

**и меня позвал.**

**А я тебя к себе.**

**В свои хоромы.**

**А сон...**

**Ты подлая тварь! То что.. было тогда явь. Она.... Я прав-  
да! Я просто. Она же... Жива!!!**

**От беспечного словца ты чуть не умер.**

**И от этой силы боли любви**

**Ты попал в цепи сна.**

**В Берега Прочего.**

**Это все правильно.**

**Я почти все угадал.**

**Кроме этой...**

**Девочки.**

**Я не хотел ее топить.**

**Она правда сама пошла на дно.**

**Я оттого и пробудил тебя...**



**Нужно было за ней мне плыть и...**

**Забрать ду..**

**Видишь платок?**

**Он ...**

**Он выткан из ее чистой и десткой души.**

**Я не привык забирать детские души в ваше небесье.**

**Я оставляю их себе.**

**Она счастлива так.**

**Окончание будет ей благом.**

**Да!**

Ты... Да! Ты сказал да. Но... Смерть она. Неужели из-за твоей любви. Из-за нее и смертью можно стать. Но... Девочка откуда? Она же.... Отчего она умерла? От любви?

**Ххаха....**

**Нет**

**От Мони...**

**От человека. Упособившемся ей,**

**Ее жидовой волосине и нагине.**

**И не бойся....**

**Смертью она не станет.**

**От нее умирают другие, но не ее упособки.**

**Сомнение.....**

**Ты же не хочешь....**

Ты веришь в рай!

А если скоро...

Стоп...

Почему я здесь? Почему я должен верить тебе, грязному

Бесуууу??»»»»»»»»!!!1

Точно.

Ключи к истине, отдайтесь мне.

Ведь ты создал буквально весь мир. Ты создал буквально мир. Но абстрактно войну. Твоя любовь, Мальдорор.... Твоя любовь. Твоя корона смерти. Твоя шаль из человеческой страсти. Твой дворец из человеческой любви. Твой статус беса неправдан. Ты выше. Ты воистину смерть. Но ты такая же жизнь. Ты такой же великий, как и низок.

**ХАХАХАХАХА**

**Гениально**

**Велико**

**Внепространственно**

**Ты был на берегах прочего**

**Ты был у нее**

**Ты получил боль**

**Много – ты страдал умом, мечтой  
Один – настрадался чувством и телом  
Отлично....**

**А теперь у меня.**

**–**

**Как все и было у меня в голове.**

**А потом...**

**Ангелочек.**

**Милый мой друг**

**Я...**

Ты хочешь насытится лишь мой болью. Смерть! Ты хочешь последнюю святость из моего гнилого тела вынести. Высосать своей трухлявой и геноцидной глоткой. Тварь. Ты не хочешь мне помочь от святости. Лишь от скуки жизни. От скуки бесовской жизни. Лишь от своей гадкости ты сейчас лыбишься и.... слеза? Что?....Ты плачем... Ты не выудишь... Бесы плачут, я знаю это. Через жалость была убита вера. Все было убито так. Ты...

**ХАхахахахахаха**

**Мудрый ты ангелочек,**

**Только не знаешь ты многого**

**Обо мне и моей любезности.**

**А ты знаешь почему она тебя не приняла?**

**И почему тебе так больно?**

**А я говорил уже –**

**От важности ее слова и высоты твоих ожиданий.  
Она тоже бес.  
Все люди в сути своей бесы, а некоторые дьяволы.  
Однако любовь....  
Хахахаха....  
Может эти границы препереть.  
Есть од...  
Нет.  
Нельзя.  
Короче, звезды и люди могут быть вместе.  
А тебе я хочу рассказать одну историю.  
Важную и наивную историю.  
Еще до того, как я стал смертью.  
Когда я был молодой....**

Главище ...и ее маленькие главенчики

Главенчик 1(не говори ни слова)

**Они пили героиновые водки  
И на пианках играли мелодии.  
Пиавка-горыныч добрый  
Готова вас усъесть,  
Рот зяб.  
А здесь страшнее -  
Сидя на стуле,**

**Наблюдаю за его бродениями:  
Нагло, из глаза в глаз,  
Из трубы в трубу,  
И ухаждениями,  
Как лампочка – гас и вспых.**

**Ноги румянцой велировые.  
Она пьянна академразвитием  
О да!  
для таких охотников падких  
она – главная заишко.**

**Ходи близжайшая,  
Броди,  
Но не говори ни слова,  
Не интересуйся,  
Не чихай,  
Не разветривай язык.**

**Смотри на всех,  
Но не говори ни слова  
Тверди,  
Что любовь – отчастная и тогда избежишь**

**Ты есть та комета?  
Или звезда проще?**

**Которая своим светом сжигает десны,  
Руки в кулак отцветает,  
Свертывает узелки крови.**

**И у языка кто-то**

**Опять он.**

**Забыл.**

**Я пьян был своим удовольствием от любви,**

**А теперь вой псинный.**

**Он пролетел надо мной**

**И сказал,**

**Раздел само понятие любовь**

Главенчик 2 (Мотримор, Артинур, Шелоруе, Алогасус)

**Колотка мой язык,**

**Затушился буром**

**Теперь говорит:**

**Есть три стадии любви или проще фатальной при-  
вязности**

**1.Невидимые мысли – *Мотримор***

**Парят над югом.**

**Сидишь с ней больно от невнимания и непонима-  
ния**

**Выход – сказать правду бури**

**2. Артинур – лабиринт больности**

**Либо тебе говорят нет,**

**Либо да,**

**Либо неопределенно отправляют в рай**

**Там**

**В космосы на ковры планет**

**И чтобы лампочки звездные смогли перегорать.**

**После это либо расходитесь по разные гробы,**

**Либо становится хуже нерву – идете вдвоем.**

**Перерыв,**

**Одуманья**

**И вот**

**У нас одна нитка- каталка.**

**Также болтаетесь и также страшно**

**Она – холодный цветок,**

**Трогаешь и растаяния, как масло от солнца,**

**Но больней**

**Выход- написать письмо,**

**Ты же поэт бурный –**

**Слагаешь образы об оловянных дорогах**

**И масляном солнце,**

**И ей,  
Что она пароход  
А ты кораблик картонный.**

**Далее идет вторая стадия,  
Эпидемия близости –**

**Шутки за шутками,**

**В твой дом,**

**Тебе**

**Плохо**

**Ведь теперь она твоя кровля,**

**Твоя переносная спокойствие,**

**И начинает зависимость и ревность разножаться  
виноградиной.**

**3. Шелоруе – веселина ежичков**

**Происходит после очередной боли,**

**Не перерыв**

**Хуже**

**Скорее страх, что без друг друга у друга вдруг горе.**

**Теперь ей жизнь – цена**

**Да что жизнь!**

**Ее за чудо продать можно,**

**Скорее ощущение жизни,**

**Приход к разуму**



**И ублюдству действа.**

**Страшнее становятся вилы,  
Каторжане смеются грехом,**

**А ты теперь**

**Ревнуешь ее внимание этим**

**Как ты их зовешь?**

**Лампочное общество?**

**Дружок**

**Тут все сложнее**

**Расскажи ей все**

**У нее работа? есть свои цели?**

**Хочешь сделаю одолжение, что ей станет пустее?**

**Отстать от нее?**

**Хахахахаха**

**Это не естественно**

**Мне**

**Ей хуже, так же, как и тебе.**

**Я не раздеру вашу кожу, а дам сложнее**

**Я скоро подохну**

**Вот тебе совет – скажи все, что сказал я**

**И еще это – правду,**

**Что ты ждешь и как она есть.**

**Скажи, что в карманах души есть**

**Так или иначе неведомсть что будет -**

**Тебе будет пусто**

А ей Пастернак  
Или скорее Бродский  
Скажи там, что вот мне то илисе  
Выдели святой день  
О  
И не говори, что это я тебе сказал  
А то предашь деяние.  
Тут лишь прямота,  
Чтобы не было сложного веяния  
И дать трезвость ума

У тебя мир друг покотился  
Они же просто был муж и жена  
А он?  
А она?  
А они?  
Ты покотился  
Скажи ей  
Это мое прощание  
Простишь ли ты меня?  
Что ей столько боли?  
От меня?  
Хахахахаха  
Мычание коров и то гибкое,  
А ты туп  
Ты знал, что в лунной пыли отражаются людевы ду-

**ши?**

**Ты встань посмотри,  
Но не стукальнись об одну из них.**

**Мы увидимся главное верь, что я виноват и ты  
оправдаешь себя**

**Нет конечно  
Скажи ей скорее, что нужно приехать  
И если не приедет – беда.  
Как обычно**

**Бойся за то, что она улетит  
По канату из других звезд и созвездий,  
А ты сгниешь  
Как крот на свету последний**

**Любовь красива и скорее она сразу раздета  
С самого начала не дает поблажек  
И сейчас просто этих разливнее  
От твоего воображания.**

**Последний совет – смотри на нее почаще  
Мне кажется это нужно  
И улыбайся  
Гроб еще долго будет пустым**

**Выход – в вечность...**

У вшей тоже есть мнение

...

**С волнением и желанием,  
Любящему Нарвиилу.**

Нарвиил?! Нарвиил же. Неужели ты.... Ты ...

**Я не угадал с колесами любви  
С ее олимпами и славами  
Там, где их двое было три  
И за спиной их четверть пялится –  
Алогасус.**

*Я потом уже понял, что помимо первых трех есть он.  
Где никто не выживает.*

*Где нет ничего надежного.*

*Это больная любовь.*

*Она у тебя*

*Колкая, копьеная, кровоактивная.*

*Удивительно...*

*Навриил так же, как и ты все, тянется.*

*Точнее тянулся.*

*Тянулся к ее благу. А потом попал впросак.*

*Его отвергла женщина, для которой он предал Госпо-*

да.

*Для которой он предал все.*

*Он был готов предать свою жизнь.*

*Ты почти тоже.*

*Но вовремя вырубился из яви.*

*Понимаешь?*

*Я не знал, что последняя колизея – Алогасус*

*Самый палачевский.*

*Я скажу одно.*

*Мое последнее слово. Скоро уже дома будешь.*

*Одно и важное –*

*Не старайся думать об этом и рационализировать.*

*Не пытайся отрахтиться от нее.*

Отрах... что?

**Не думай....**

Зачем ему смелостья – он же скоро ключь.

Моему уху дивилось – когда землянное пальцеварие разквартовываешь, то земля выглядит детской звездочкой. Звездочкой пятиносой. Иногда кажется мне, что с каждым днем Земля правда уголяется. Но чем? Видимо солнышкой. Солнце стареет, хотя такое молодое и красивое до сих пор. Вот болезни у него и из него хлыщут. Пожелтевшие от любви к жизни волосы начали выпадать. И глаз мой, вытираясь от чиха, начинает собирать эти медовые травинки, словно пчел-

ка или ненасытный пачесник. Жаль, что есть старость. Мало чего вечного на свете. Например, непримиримая и антикрутая погода Керченграда.

Каков этот город! Страннен! До тел атомов и внутренних молекул. Старость? Ха... Не слышно этому городу мельтешение старости. Здравая молодость? Ха... Не обнюхано этой скрижалю заброси пот молодости. Тогда кто он? Ребенок! Единозначно ребенок. Такой любознательный на любое проявление добра и скорби. Такой жалкий и любвеобильный город. Такой перспективный и легкосодрогаемый никчемностью человеческой мысли. Он впитывает любой сор, и любой сок ума. Станный город. С не менее странными людьми. Вот наше **определенное тело**.

Накалился жар у него в комнате. Это затхлая и одуренная жаром мысль. Однако очень важная и сильная мысль. А это? ... Страстная и влекущая жизнь мысль. Влекущая смелость и ее... **это**. Удивительно сладко спится ему. Небось всю ночь игрался со своим другом. Отличная и безгорная жизнь. Бери лодку и плыви. Не сойдешь никогда. Ну пока он спит....

Спит ли он? Неужели. Довольно рано и мягко проснулся. Ого! И повод то како... Точно. Поэма. А чего проснулся? Именно! От запаха страстной мысли. Этот изнеженный аромат духа тела и чистоты. Великая мощь.

Умылся безмолвно. Почистил зубы – безмолвно. Пошел в комнату за стол – безмолвно. Ни грамма звука уронив, **опре-**

**деленное тело** открывает файл со своей поэмой. Вижу – у него осталось три главы. Одна – дописана буквально в миг. Горяча и пленительна его скорость рук. Пишет не умом. Конечно! Только страстью и болью страховной можно писать свою внутреннюю жизнь.

Вторая глава. Когда небо стало таким извилистым? Когда солнце начало чесаться? Почему сотканность бытия начала расслаиваться? Глава «Последние ноты рассудочки». Я неистово вижу это. **Почему? А? Женя?! Тебе было тогда плохо? Так почему ты не спросил ее помощи? Почему полез...**

**Не слышал ты меня тогда. А сейчас? Сейчас есть ли, что менять? Ты же сам сейчас чувствуешь ненависть. Трезвую и самую розочную ненависть. Коронай смерти тебя обвивает тоска и плетка вины. Вокруг твоей шеи.. Помнишь, что было вокруг нее? Хочешь повторить эту боль? Тебе же нравится чувствовать. Ты же хочешь этого. Так напиши еще. Ведь последняя нота у всех одна. И играется одной ручкой. Десткой и неприляжной. Не пиши. Ты же обещал, что после 18 марта ничего не напишешь. А сейчас уже что? А. Ты скажешь лишь 8 марта. Может прекратишь? Что ты ищешь в этих словах? Понимание? ХАХАХААХАХАХ. Пиши понятно. Прямо. Сейчас никому не нужно твое выражение боли. Все ищут простоты и легкости бытия. А ты? Ты полез на гору. Вместо того, чтобы пе-**

рейти. И нравится ли? Пойми одно – боли будет больше. Сейчас все более-менее. Но совесть. Это беснопетая пташка Совесть. Хочешь охоту на нее? Поймаем и отрубим облачные крылья, или лирическую головку, или дубовые ноги, или съедем ее бессовестное сердце. Давай? Ведь без нее....

Дописал. Легкой сваркой руки и таланта он дописывает. Дописывает каждое слово. Довыныривает каждую мысль....

Не увиливай от себя. Не надо, Жень. Добивай свою совесть. Выговорись мне. Я же давал тебе совет, что делать. Но говорил ли я писать поэму? Хахахахаха. Вот твоя награда за талант. Хочешь быть любимым и любить. Хочешь обнимать девушку и целовать ее в метелях загробного света. Хочешь быть пьяным и интересным своей мерзостью. Хахахахах. Хочешь ощутить девичью прелесть. Девичью любовь. Но что ты получил? Лишь катофалку предрассудков и ожиданий. А кто ее вез? А, Жень?! Кто же.... ААААА. ТЫ!!! Ведь ты все так думал и столько ожидал. Ты видел в ней ангела, спасителя судьбы. Но нет. Он бес с тем же качеством, что и у ангела. Беса и ангела отличает отношение к вещам. Тобою она дорожила. Тобою она интересовалась. А ты? Ты же ее лишь любил. Страдал, но какой монетой ума? Ты хотел ее ласки, ты хотел ее внимание к себе. Чтобы ее бесовской, святой слух проглатывал слоги твой гарлевой глотки! Ты



**ненавидил ее подруг из-за ревности. Вот из нее я соткал себе сюртук. Вот какой я красивый в нем. Хочешь быть любимым!!!! Ххахахахаха. Я тебя люблю, Жень! Вишь! Ток я, грубо говоря самец. Не этого ты хочешь. А обнимания, целования, слушанья, присутствия, спокойствия, сочувствия девичьего. Ты же человек. Но ты забыл одно. Он бес, и ты бес. И ты ошибался о ее святости. Знаешь, что я скажу. Последний совет. Хочешь всего своим членом желанного – старайся и говори прямо. Скажи ей или кто там у тебя – я хочу быть любимым и вникаемым. Это нормально. И просто...**

Ненарочно и непорочно пробуждаясь ото сладкого и преспокойного сна, неопределенное тело взывает из пресвятого гроба. Из этой ....

Думая о вчерашней беседе с подружкой и этой встрече с ангелом. Она лишь посмеивается. Но удивляется воистину Господа. Почему он знает меня....

Они списываются. От него ласточка слов прилетает к ней и доматывает суть – почитай это. Я вот поэму важную написал. Обязательно у тебя в руках должно быть....

**Не пиши пока. Окончи этот призыв и 5-й про ангела. А дальше забудь. Ведь суть тут опять в другом. Не давай ей это. Дай своим друзьям, выложи где-либо. Но не ей. Ты для нее уже никто. Хотя...ХАХАХАХАХА. Скоро от нее все услышишь сам. Ты главное бойся ее.**

**Я из твоего страха себе шаровары сплету. ХАХАХА-ХАХА. Ее я не трону. Я клялся. Забыл. Дурной Навриил. Ой. Жень! ХАХАХАХХА.**

Время бьется ногой о смех...

Жень! А тебе самому хочется не быть?

... и переваливается через порог сути и прыщевания. Вот она вчитывает каждую букву. Этому ангелу...

**Бесу**

... важно понять боль близкого. Она очень дорожит счастьем других. Сердобольные подкрадули на ней. И она так ими близится к счастью. Однако... Ей уже неприятно...

**Заебало откровенно**

... что он дает ей письма и описи, но не слова...

**Жень, а ты почему думаешь, что ее это достало?**

... Вот они – ненужные первые главки, она не хочет понимать. Тут же ...

**Или не может, Жень?**

... Тут слова явную роскошь воссоздают. А вот пошлость, она думает это про нее. Вот дурында. хахахаха-

**ахахах.ой.Не тот колчан.** Не ясны ей мотивы и пошлость данного кого-то. Позвала она свою подружку. В ненависти она выдавливая эту пасту. Пасту злости и разочарований. Для нее эта опись – конец всего с ним. И он не думал так, для него это дело судьбы. В ее руках свисток. Один свист – вперед, два – стоп, три и тд. А она своей подружке говорит злые вещи. **А она ли?**

**Жень!!!Ты слушай, она же ... ну не одна в себе. Есть Ма., а есть ее предрассудок – Ма. Прекрасная. Одна – высокий человек, другая – подсавительница Мони и сладковытопленной мечты. ( печка – мечта, как высоко ты меня проецируешь, молодец!). Ты же сам говорил. Твою опись читала именно раба мечты. А ты хотел другого. Чтобы другой глаз целовали чувственные, живые слова. Или... Есть только одна она? Женья?**

Ее ум тронут наглостью его. Она решает его везде заблокировать. Перекрыть все каналы позволяющие дышать ее вниманием и воздухом...

**Ну и как? Я не Жене. Я тебе, солнце моего ума! Ты то как? Я же не трогал тебя, лишь в последний момент. И то не своей дикой ладонью, а через Женечку. Какой Женя милый экземпляр жизни. А ты как думаешь? Хочешь совет? Нет? ХАХАХАХААХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА. Ну..... ладно, душа светлости и ошутимости.**

Она отправила ему почти рецензию. Кошмар начинает въедаться в уши и нос...

**И проливается тучная оберткость, все небо серое и напряженное. Ангелы спят сейчас, им уже пора. Реки пляшут в день моинки. Почему? Начался бесцеремонный юбилей их старого друга – Дождя. И пляс идет. Деревья мило беседуют с тесновыми каплями дождя, земля мило расстилает стол для будущего пира, трава мило приубралась собой для страстной ночи. Да вечноюный читатель, страстной. Скажу заранее, у автора очень текучее отношение к себе, но не к своему творчеству. И в погоне за красивым и убийственным он запинывается о заплетенные в милый канат судороги ума. И.ХАХАХАХАХА. Совесть. Далее будет очень странно, но скажу вам. Очень полезно и взбадривающе. Все катится не туда куда думал автор сначала. Неважно, сами увидите.**

**Пир медленно закатывается в березы. И саранча, и точечная бабочка в снеговом наряде приплесывает со своими подданными – муравьякеями. О! Скрипачи! Стрекозы играют мою любимую. На – нанананана – на! Как давно я этого не слышал. Эй! Солнечная мысль! Ты приходи. Мы для тебя найдем место. Пир только начинается.**

Ну. Я. У меня сон сейчас. Может лучше Лунную мысль. Я видел пир будет до утра. Я прийду потом.

**Ждемзз! А Лунная мысль будет?**

Ма., ты как-то странно меня держишь...

Да! Я буду, Смер... бес Мальдорор.

**Не дрожи совестью, почтеннейшая мысль. Читатель уже знает кто я. Можешь называть как обычно. Ты скажи мне. Луна уже пошла к нему? А то я что-то ее не вижу. Слышь, мысль! Как тебе они? Ну, Луна и он?**

Мило, но опасно как по мне. Это как-то не так. Ну как бы они отличны. Они просто... я так-то не против... просто... они слишком взрывоопасны. Понимаете? Вы как никто другой должны меня понимать.

**Но все же. Это невероятно. А что сегодня будет. Это нечто. Я так рад, что живу здесь среди всего этого, среди мною созданного. О! Мысль, ты до утра побудешь? Ты давно с утренней виделся?**

Довольно. Но мне не принципино это. Я не сильно приятеню его. Она довольно ... глупая что ли. Или даже наивная. Менее распростертая. Менее искренняя и ...

**Понял. Ну от и увидитесь. Читателю очень интересны ваши отношения. ХАХАХХА**

Думаешь ему вообще интересна истина в этом произведении. Да и вообще интересно ли ему быть. Странная особь этот человек. Особенно читателящие. Они... Как бы зачем вообще читают? Ну правда. Это же неинтересно. Скучно. И

опасно. Ну вскоре им покажется так. Для меня это хорошо. Я довольно актуальна для таких.

**Ха. Именно. Главное – польза и использование. Остальное – в трухотню. А сейчас я пойду пока к ним. Мысль! И рассказывай ты, дорогой. У тебя это живо и гремяще получается. Увидимся.**

Хорошо, Смерть. Дорогой читатель проматывает ошметок листа. И мимолетной минутой пересекает 4 призыв. Да, наш достопочтенный. Наш преминопочтенный. Наш святой миротворящий и претворяющий. Увидимся в 5 призыве. Можно пойти налить чайку с ледниками сахара, вылебать его пустынно, и еще семь раз увидеть прекрасный сон о мире, что противоположен войне. Как говорил один важный публицист:

Все суета сует, но я почему-то выбрал ее тару (5 призыв)

Я так боялся и ждал ее охов и богов.

Вот ветер пластически перерос сам себя и сам свою бемоль. Теперь дивится пантократическими диземами стрекозных скрипок. Слышали бы вы их. Ухо бы потом пороли за зависимость. Реки отплясывают центрический вальс с немymi и разноцветными каплями дождя. Мило обнимаясь и болтаясь на цепях суровой словестности. Они говорят о переменах погоды, о недавних коллапсах и неймоверно окружающе

шутят. Дубы острят не по годам. Скорее по периодам мира. Кайнозостно и тому ладное. Зайчик выныривают из влокущих в сон нор. В пиджаках, галстуках с морковками в зубах. А старые и уже заросшие опытом земляные кровли начали неистово отдыхать. Так приятно их ласкает каплянные парашутисты.

Вот смертные котики начали мило мяукать на своих вечных друзей – собак. Вот черный мальдокот перелизывает с одной кабинки к другой. И уже на подоконике. Смотрит в окошко, что в миг закрывает пламенной и трескающейся рукой. Взгрустнул и обратился в немилого мухаря. Маленькая такая муха в любую точку пролетит. И он смог. Вот и занял приятное место для наблюдений и усаживается на недобрюхо. И ждет.

Господа! Чего же он ждет? А вы не знаете? Хахахаха. Очень жаль. А я знаю. И готов вам проповедовать сие благое по мере плавления бытия.

Отчего ты грустна, моя милая?

«Луч холодный средь них пышет показать в них всех миры»

Так писал один человек о своем городе. О данном Керченграде. Милый город. Станный. Но милый. Любить его нужно. Стар ты всевселяющий город. Да что город. Тебя называли Керченградом. С его наболдажными седыми улицами. С

его крошащейся набережной. С его ступным парком. Где нет ничего блестящего само по себе. Только люди его украшают. Этот город необходим быть заросшим, облудованным. Иначе никак.

Вот и начинается. Любой отскуп того, что находится за 99 квартирой. Вся это пьяность. Пьяность боли. Ее расшатывание и линчевание метров. Молодой человек. Он нам знаком. Это он. Что не помните? Его языков челны барахтались с Лунной на одной плетне. Вздорные вы ребята конечно. Неспешной ковриностью растилается его спокойствие по бортам 99-ой.

Вот она плавленность медленно сочится из его глаз. Думает она не придет, верит, что отпугнул ее. Его слова резкие и тернистые. Они могут и отрубить ума корни. А муха нервно стучит крылами. Теряется, однако перочинность звука среди 99-ой.

Вот и не верится. Он уже собирается падать и бессмертно плакать. Изрыдывая свою несчастную боль. Боль настолько твердую, что лишь стука. Хватает лишь стука двери, раскаченного по 99-ой.

Представить сложно о процессах в его утробях. Сердце отеряется, кишечник разбухает. А душа. А душа верно направляется к двери. Вот она. Пламенно- бледная, худая, облачная. Легким рывком на близкое ее белозурное тело врывается в 99-ую.

Словно не виделись девять с половиной недель. Вцепи-



ласть так, словно ему грозила Господья кара. И чует душой, как не скрывай, чует его боль. Его разочарование. Ожидаемое, но едкое все равно. Легкой растекостью по холстам 99-ой она вычертила контуры его овала души, его назлочастой коробки грехов и ропостей. Вся комната, плавленная в порывах чувств и страха, вкусила холодного укуса их слез. Ну будь этих слез, седой и хромой дом давно бы убыл на мель, под сурковые платья сумерек. А что с ними было бы? Им хоть бы смерть! Нет явного и лицезрительного признака их страха на смерть.

Время...

Он проводит в комнату хрупкую и детскую Луну. И спрашивает – «где слеза сытится, родная моя...»

И глаза вновь заростают корнями соленых потом и водов. Луне так жаль, что она не была раньше. Она снимает с себя белый световой котелочек. Расправляет черные как вечность волосы. Эти корни нерв нежно колят ее облачную мягкую кожу. Добавляет себе страсти. Примешивает к своей напряженности штыков. Вся она накрылась верующей толпой мурашек. Вся она покрыта волнением и калушским и патриотным слухом.

– Что с тобой дел...сделалось, – едва барикадируя толпу слез, вымоливает она. – Это той непонятливый оскал ума надорвал плоть твоего милого сердца? Это ее работа? Почему тебе сделали так больно тогда? Милый ты мой! Почему всегда ждет лишь топь гнили и страданий. Святой мой! Это

моя вина...

– Не глупи. Я молю. Тебя молю. Луна чистейшая и добрейшая. Вина моя и моей любви. Ты лишь помогала мне жить, помогала мне наконец понять нежность мира и гротеск этой рыбной похабщины. Среди этого моря я услышал зов твоей жемчужины. Ты манила всегда навящевейших путников для помощи. Твоему сердцу нет весомого предела. Здесь больше моя вина... что я. Тебе всю покой...

– Нет. Ты не делал этого. Это все они. Бесы. Они создали все это. Мы лишь попали под их точный и высокосный обстрел. Мы жертвы мира...мира сего. Ведь все просто не видели твоей любви и твоей боли, никто не хотел этого. И моей тоже никто, но ты увидел. Мы друг друга почуяли. Наши бриллиантовые печали начали крошиться друг о друга, истерзывая дышащие каналы наших судьб. Дорогой мой! Ты слышал эти настоевые крики?

Я их явно не слышу. Их попросту нет. Не существует. Ведь крик есть не более, чем животный всплеск. Понимаешь, читала? Мурашки страсти начали медленно душить ребенка Луну. Ей сложно дышать. Сердце запинывается о воздушные рисовые комки. Рассудок докипятил последнюю разумность и теперь начинает варить суверенный борщ из страсти и кромольной струи солнца. Ей жарко. 99-ая квартира стала генератором живости и бодрости.

Ловкой слезой ее тело падает к своему центру, к нему. Недоумевающему, жидкому и почти мертвому. Квартира,

мохнатый дом, что вы испытаете сейчас будет вековой форточкой для ваших календарей. Детской и бледной как снег ручкой она немедленно снимает свои платья. Ей нужен холод, ей нужно остыть, но как? Как утолить порыв космоса к жизни? Скоро и ему становится жарко, нужно было лишь искра времени, дабы разжечь это лопание жирного и мармеладного солнца. Это сырного дюшеса, стекающего на головы наивным лампам. Выныривая их оберегов невинности ее эдельвейсы распахиваются отто жесткой тепличности космоса. В ожидании света, в ожидании смерти можно и потеряться в переступаниях границ. Стекла невечно улеглись в темную колоду от застрастности воздуха. Зеркала ослепли рукой и вырисовывали как смешные, так и вполне невесомые натюрморты. Люди быть и вкривь, и вкось. Они были размылены в глазах немого художника. Мускулитые стены окаянно подкашиваются среди всех, расширяясь весом и иссушаясь одновременно. Любые тканевые червесплетения хитро пробираются во рты громких и великих красных рыб. Им выгоднее умереть, чем жить с глухой завитью на бездном брюхе. Вся 99-ая квартира была годная для пыток лапм и фонарей. На этой высоте никакой желтоволосой бестии не хватает лужиц и книжиц, чтобы описать.

—ой..

Слышали? Колткий и пророческий стон. Так вытрезвляет слух и разминает ухо. Как притна страсть живая. Что она несет за собой. Словно три планеты нежно приплясали со-

нет «Ад» и теперь есть лишь крошки. Крошки для голубков. Вся бледность Луночки переходит в красноватую скованность. Определенные пальцы прокатывают страсть щекочась по детским облачным предножьям Луны. Эпицентр, господа! К эпицентру они выкатываются! Сотня муравьишек пробегает по всем их телам. Окорачивая любую боль до «к ноге». Теперь гнусность гнили под их поводом. «Сидеть, лежать, убиться, молодец».

Натура нагая художника топчет

Пролетает бес Мальдорор в образе мухи среди всего порохового оврага 99-ой. Диву дивится как растлена может быть живая душа от страсти. Луна и он. Лежат непечальные, полупрозрачные, точносчастливые. Луна накрылась световой порукой. Разгорелась словно сотни туч кланялись Господу о своем яром красном восстании. Лягшие на серый и перепаленный ковер, они мило обнялись, и направили взгляды свои в темную, проглядную вечность. Мальдорор! Твой диагноз? Ты прогнозируешь их скорое счастье. Их судь...

**Вечерняя мысль! Не подводи итог. Пока что не надо. Обожди утра. Я подведу итог. Дальше я сам буду говорить. А ты поди вышей градус тепла с добрыми молодцами сосновыми. Или развлекись с лисицей дубровной.**

Хорошо, Мальдорор. Но если что, я тут. Зови.

Да, мой близкий друг. Славного неразлучного отдыха. Так лиценкающий читатель. Небось уже мчишься спрашивать меня, что произошло то. Женя не хочет называть это прямо. Не от того что это мерзко или как-то так. Слово «ебля» или «тантрический шизофренический секс». Просто .... Пойми, читатель. У них не было этого как бы во всех смыслах, кроме явного. У них произошло что-то большее. Думал рука Женечки плохо опишет это, но нет. Отлично. Луна и он, их акт безусловный дословно доказывает присутствие чюды. Женя верит просто в чудо любви и ее святость. Но тут уже другое.

Давайте поговорим о прекрасной бесе. О Мари Прекрасной. Сейчас она нервно и взросло спит. Сон ее загустевший в словах нашего поэта. Какая пошлость, какая гениальность там описана. Неумело чуть, но скоро будет страшнее. И видится ей в переливающейся темноте глаз чудные времена. Красивые и раскрашенные в смешные и сладкие цвета. Вот они уже ходят по промозглой и хрустящей улочке Керченграда. Вот ее четвергный плач от своей боли. Вот ее пятеричный спокойный помошник. Он рядом с ней. Он просто болеет, не более. Он говорит не ясно, но по-резинному явно. А она дивится его болезни. И вот его нет. Пропал скрежалный хранитель спокойной жизни и поддержки. После стольких важных и отсердечных слов

она окидывает труху его жизни. Теперь лишь безразличие и смех. Розовый, искренний смех. Я встречался с таким. Девять с половиной недель пройдет и они снова возведут для себя пьедестал. Лишь он будет из крошек тех планет. Эти крошки будут вырванны очевидной и крылатой любовью из глоток голубков, налаяных на категории. Глупые живые категористы. Зачем верить в какие-то мысли и мечты, зачем они хватко держатся за порог своих детских мер и вымерений? Они забыли про распьяную дамочку с озорной и гибкой ножкой – любовь. Лучше с ней столкнуться, когда есть ответственность, совесть. Потом просто есть шанс остаться без нее. Понимаете? Ей снится невесомый мраморный дворец, где своей культурической, живокрещатой рукой она рисует картины богатым и жирным. И с ней красавец на белом или зеленом коне. Любит ее красоту, ее внемящую тушь. И нет больше того. Что писал про ее душу, про ее святость и значимость жизни. Она осталась в беспамятстве поитогу. Но это во сне дорогие друзья! Реальность сладка лишь детям и их любознательности. Она сладка «до любви». Но ей нечего бояться. В реальности есть подружки и мечта. И вера в Моню и дворец на белом снежном дворе. Дворце викторианской огранки. Где будет вечный джаз и красильность жизни. Вот она. Милой ветрянностью бытие поправляет ее цветы и

**волосы во сне. Для будущего.**

**Вот и утреет. Наконец. Я пойду на пир. А вы двое, пока спите, я вас укурю, чтобы холод бурь и метелей не огранивал вас. Возвращаю сюртук. Теплитель любящие. Да здравствует Любовь!**

**Пир в века самых странных костей.**

**Пряное одеяло предутренней зари черными...**

**О чем ты друг мой, Утренняя мысль. Иди к нам. Тут тебя ждут. Я пойду пока Солнце приглашу со звездами. А то вчера забыл попросить подопечных просить звать звездочек.**

**Хорошо. А ты...**

**Да, буду рассказывать, что длится.**

**Заря растеклась зовом петушьиным по гортаням ночей. И выкутывается большое, жирное, золотое и шелковистое Солнце. Свет огромив мощью своего сияния оно длится по рельсам космоса от дня ко дню. Обходит оно своими крыльями каждую планету.**

**Солнце! Добрый день, друг мой преяркоий. У нас сегодня великий пир. Не хочешь притоптать своей огромной солостию к нам. У нас уже все. Сейчас много кого позовем.**

*– Прости, прелестных судеб дитя. Но не решеньем моей контрольной, я не могу к несчастью топтать от сюда.*

**Да ну. Я не расскажу Господу, да и он только за твой отдых. Притом. Я оставлю клочок своего света вместо твоего? Ну?**

*- Святой ты герой пьесы, Смерть. Но даже твой свет не так велик к несчастью. Не свет живому нужно, а жизнь, что болтыхается со светом.*

**А звездочек хоть можно с собой взять? А?**

*- Бери, они заслужили отдых. Только спроси пред тем их волю. Не хотят – оставь их.*

**Спасибо благородное. Пока и тогда удачи свет дарить живому. Пока. Звезды, за мной пировать!**

**И вот весь мир начал гостить и сеять добром и легкостью. Желе зари медленно оказывается у всех во рту. Вкусное оно. Солнышко умеет удивлять. Хоть он и жирный и больной, но не жадный. Это хорошо.**

**...ты не прав! Хоть ты и принимаешь любовь как данное святым, ты его диктуешь как великое и насытное страдание, а эту Лунность и Онность, как нечто состоятельное.**

**А ты меня не курись! Утренний. Так оно и есть. В любви и пошлость и искренность. Это все правда. Будь более обременяющим. Ты же мысль.**

**Не твое дело и не мое, нас обременяют другие. Понимаешь?**

**В чем спор друзья?**

**Этот вечерний утверждает о пошлости и сексильности любви, а я – что она свята и не может быть искривлена ни-**



как, она словно ребенок, неприкосновенна.

**ХАХАХАХАХАХ.** Пока вы будете у меня в животке перевариваете мною сказанное. Любое чувство у каждого живое свое и по-своему трактуется. Вот розовые тигры не ели мясо и живых, ведь они видели в этом свою любовь. Они любили жить и помогать другим.

Да, но ....стоп. в животике?

**ХАХАХХАХА.** Нужно подвести итог. А ну ко мне утренний и вечерний.

Эээээ!!!!!! Мы на такое не.....

Да, да! Не договаривались. Но мне безразлично сейчас это. Рукою мастера творится скульптура великой любви. Женя? Кончаем? Хорошо.

Ой. Господа Звезды, вы расслаживайтесь, пока еще не все пьяны окончательно. И пейте тоже. Пир во имя победы над сухостью.

Женя? А теперь точно? Мне кажется читатель навзрыгся оргий и ему честно неинтересно как препрождают время.... Да что вы, звездочки! Не стесняйтесь же вы травинки и капель. Они не кусаются. Красивы и не кусаются. Садитесь за стол. Хотите танцевать – танцуйте; хотите целовать – целуйте; хотите петь – пойте. Ни в чем себе не отказывайте. Здесь у нас полный пир. Целостный. Где Луна? Ну.... Это не важно. Она скоро вернется. И не....

Жень! Кончаем. А вы, звезды! А вы лучше расска-

**жите мне, что было точно с тем ангелочком.**

Я повернул края Рубикона. Края бродливых мечт.

Семипялый наконечник огражденного барона нашей смородиной системы. Иногда вы, дорогой и притязательный к знанию читатель, способны наминать глазами очертания березовых и тополевых звездочек. Изредка, даже реже «иногда», способны услышать милое пение Луны, сидящей на старожилых табуретках. Или почти никогда раскрыть очертания вопроса малых и безгрешных ангелочков. Единственных на нашем лазуревом свете существ, сохранивших светлость души. Однако вопрос всегда один. Один вопрос будет витаться на усу ума и внимания. Куда уходят сугробы?

Да и ладно. Эти вопросы не имеют почвенной или коренной подоплеки. Скорее она естественно тепличная и связана с растеканием слухов. Эти вопросы не должны вообще трогать птенцов ума нашего человека. Ему важнее обязано быть другое. Там семья, работа. А все это другое – у краев стаканов, а то и за их пределом.

А пока барон Солнце катается велосипедом через сотни каркасов жизни, желая поскорее получить обещаную благодарность со стороны Жизни, невесомая молитва Монежке, этой потасканной рынкой и бумагой богине, пролетает кротом через гнезда Совестей, через двери Ревностей, через светила Патриотизмов и через дворцы Любвей. И летит она яро

и потребительно. Но к счастью никогда не тронет святого. Никогда не коснется здравого безумия и страсти. Такое не допустит мораль.

Пока Солнце тужится морокой салтистых зефир, косоглазо пролетающих над городами, столица самого неуравновешенного и смертожилого – Керченград – на своей молодой тростке подмается опять к Циалковому Колоколу. Некто Циалк установил данное сооружение своему другу на полу-горье. Где-то среди наивной гордости и предтечности вы, читатели, способны обнаружить его. И было создателем сиего певца дано великая цель – отслащевать челюсть человека.

– Шааааааам!

И ткочевничий грохот воздался всем в уши. Мая Прекрасная мерно выпячивается из своей колыбельной. Ангелочки плавно ущекотались своими крылышками. Он цистерно покрылся потом своей единой. Луна нежно обнесенная ветром выходит из рук его. Медленно посмотрев на время, ее воля решает важный момент.

–Что такое?Тебе пора?

Поглядела она сновно. Легкой рукой она возвращает его пеструю и по новому живую руку на свою слабость. И нежно и опяло целует его, но не опять, не как раньше, а по-новому – более запредельно.

–Нет. Мне некуда идти пока что. – сделав перерыв на очевидное последствие времени, их течение снова сошлось и медленно, после этих летящих слов, растворилось. Опять

для них время растворилось, опять не взяло под грабли своей лодки. Но не так как раньше, а уже надолго.

Мая Прекрасная кратко доглатывает свой сладкий сон, запивая его горькой чайей. Смотрит на часы и в голове у нее инорокая, но прежняя мысль. «Нужно пойти учиться. Знания дадут мне... что-то. Я всегда лучше уподоблюсь этому» И идет читать о похождениях Олега Пресвятого или Владимира Ленина. Страннен ей Ленин. Ну это неважно. Важно, что она будет вечна умна, что у нее будет невесомый мраморный дворец, что у нее красавец на зеленом или белом дворе, что ее рука – словно для тела, но она все равно тельце-выгранивает великие жизни богатых и жирных людей, что она пропадет в беспамятстве о данной истине, что она забудет те страдавые и каторжные слова. Тех тюремных заключенных, попавших под перо клоуна. Клоуна с больной и смешной психикой. У нее будет счастье, дорогой читатель, вы не бойтесь за ее будущее. Бойтесь за себя и за близких своему чувству. Именно чувству, не уму, не сердцу, не печени. А чувству.

Вот и пир начинает оканчиваться. Знакомые гости уже стали медленно осыпаться ото хмельного и дождевого сна. У реки устали ноги и все платки стали быть очень гористыми и калечными. У дубом ум от их остроот лопнул и потек по пьяным ручьям. У стрекоз отвалились члены от красот прелестной снежной бабочки. Ух! Заигрывала она с ними небось! Муравьи остались пьяны и зубами разгрызли некоторую одежду бабочки. Щас молодая стрекоза допроснется

и недоумеет от данных черт тела. Звезды мило улеглись среди капель и теперь щекотят возбужденным мурашкой спинку земли. Как хорошо! Почти все хорошо.

Лишь вот бабусяка будит своего инородного внука. Будит его и притолковывает едой. А он плюется и говорит – «сама ешь». И важной, человеческой поступью выходит на улицу. Ясным и совестливым взглядом видит... нет, видит он не может этого. Дети не видят, они чувят. Он чувт некоторую слезу, боль. У цветов, у земли, у сахаров на заборе и на волнивой крыше. Отчего скорбит природа не ясно его человечьиму уму, глазу. Но он вдруг пыхтитса болью и плачет. Даже не из-за цветов, а из-за причиненной боли бабусяке сказанкой по голове. Он развернулся и пошел в дом. Слезы ушли сами по себе. Бабусяка смотрела и читала газету. Слепую и не в газете дело. А в самом доме. И он это понял. Сел молча и поел. А бабусяка вдруг дородную слезу пускает невидимо для глазов. И спокойно в доме, вся боль из дома вытекла.

Давайте подумает о цветах. От чего цветам больно? Ну... А отчего земле плохо? Ну...

Ну а вот почему там забор и крыша болеет? Ну...

Тут сложно другое. Ведь правда святые, небесные смерти веками и гробами природное ощущало всегда острее и значимее. Вот и сейчас. Под любой пир – должна быть определенная чума. Вот она. Среди сотней небесных городов. Облако, удачно пролетающее над Керченградом, вполне непри-

ятно увесило на себе бедное и тухлое светом тело. Грубо повесило на одну из пристаней несчастного и ранимого ангела. Почти полностью погасшее очертание. Просто клякса повисшая на хрупкой тетиве. И вываливается у него из песчанного рта мелодия, молитва всем нам. Не насторожение, читатели. Молитва.

Отпустила канаты кос и солизвездий,  
Неверящей в отместье тайной покрылась  
И смешно вогрузила плавник на деликатность пламен-  
ную.

«Почему ты не чувством читаешь письма?»

Изо души мучной вычеркивается.

А ответ он тут.

Он среди этих лиц

И этих остпарин нарядных

Под юбку лезет

И хохолок отлипается водянкой.

Жаль что эта жидкость вам не дана.

И что лучше не быть отосонным.

И затих.

Почти эпилог...

Жизнь моя лишь ходит вперед, пешечная она. Если вам интересно дальнейшее, то я сам не знаю. Просите у Мальдорора.

–От блестящего языка соавтора